

**ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН**

**КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
ВОСВОЯСИ**

ЗВЕЗДАНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Владимир Свержин
Крестовый поход восвояси
Серия «Институт экспериментальной
истории», книга 5

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125510
Крестовый поход восвояси: АСТ; Москва; 2003
ISBN 5-17-016598-6*

Аннотация

Ох нелегкая это работа – быть сотрудником Института Экспериментальной Истории, шататься по параллельным реальностям и восстанавливать нарушенную историческую справедливость! Ох и веселое это времечко – XIII век! И задание – поехать в Новгород, поприсутствовать на совете славных витязей земли Русской – и вернуться с отчетом в родной Институт. Да вот только, чтобы вернуться домой, надо сначала... Короче – совершить невозможное. Но – нет слова «невозможно», когда речь идет о Вальдаре Камдиле и Лисе.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	28
Глава 3	45
Глава 4	66
Глава 5	86
Глава 6	106
Глава 7	127
Глава 8	152
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Никогда не ставь задач, решение которых тебе неизвестно.

Первое правило Берга

Пролог

*Творите мифы о себе, боги делают то же самое.
Станислав Ежи Лец*

Тяжелые волны с грохотом разбивались о подножие утеса, взметая ввысь мириады мельчайших брызг, в яростном порыве пытающихся вскарабкаться на самый верх жалкого огрызка земной тверди. Я смотрел в ночную мглу, туда, где, едва освещенные светом новорожденной луны, покачивались на якоре два корабля. Глядел, прощаясь с этим миром, с боевыми товарищами, напряженно ожидавшими наступления утра, чтобы пристать к берегу и выяснить, чем закончилась смертельная схватка двух непримиримых врагов – Лиса Венедина и меня.

– Капитан, ну шо ты расселся? Я уже запалил огненный круг, заложил взрывпакеты, пошли позвеним мечами, громынем напоследок и – гуд бай.

Я зябко поежился и встал, плотнее запахивая плащ.

– Интересно, что они скажут, когда поутру подойдут к острову и не найдут на нем ни одной живой души?

– А шо скажут? После того фейерверка, который мы тут

устроим, сомнений в том, что грозные вожди сгинули бесследно, у них не будет. А там уж, как говорится, мрачный северный гений сам додумает, каким именно образом мы отдали Богу души, – пожал плечами Лис.

– Лишь бы не передрались. – Я потянул из ножен меч.

– Да ну, шо им в самом деле драться, дети они, что ли? – В словах Лиса, несомненно, был резон. Наши воины не были врагами. По условиям же поединка в случае победы одного из нас выживший принимал под свое начало дружину погибшего. А если мы оба покидали место боя под руку с валькириями – расходятся, вот уж воистину, как в море корабли. – Вылезут, поищут наши бранные останки, взгрустнут, пока брага не кончится, и поплывут в далекий край, утирая скупую мужскую слезу подолом кольчуги.

– Заржавеет, – с сомнением произнес я. – Ладно, пошли рубиться. Ночь тихая, слышно далеко. На борту уже, наверное, заждались звона клинков.

Огненный круг, вычерченный на земле греческим огнем, давал больше дыма и чада, чем пламени.

– Слушай, Капитан, – с отвращением глядя на «поле нашей последней битвы», скорчил рожу Лис, – может, ну его кляхам? Это ж надо быть безбашенным, шо та шведская самоходка, чтобы в этакую вонидлу лезть. Давай прямо у входа в пещеру помашемся.

– Идет, – кивнул я, указывая острием меча на сравнительно ровную площадку неподалеку от черного провала пеще-

ры, в которой была замаскирована камера перехода. – Вон там.

Остров, на котором мы находились, пользовался у жителей окрестных земель славой если не мрачной, то уж, во всяком случае, таинственной. По слухам, здесь обитало то ли свирепое морское чудовище, то ли какие-то древние духи, точно неизвестно. Но одно можно сказать наверняка – маршруты и торговых, и боевых кораблей старательно огибали каменный зуб, в дупле которого была спрятана переходная камера Института экспериментальной истории. И только такие «отчаянные головы», как мы с Лисом, решились ступить на эту проклятую твердь, когда посланный в погоню за нами отряд графа Генриха Шверинского под командованием моего напарника настиг среди бушующих волн «коварного негодяя», то есть меня.

«Верный» графу Шверинскому Лис Венедин клятвенно заверил своего повелителя, что не вернется к его двору без головы наглого обидчика, и потому, вдоволь наругавшись через борт, мы порешили пристать к ближайшей суше, чтобы с честью завершить наши счета. Кто ж виноват, что этот дикий островок был ближе всех? Кто ж виноват, что два опьяненных взаимной ненавистью отчаянных головореза полезли прямо к черту в пасть, не слушая добрых советов? И поэтому наше загадочное исчезновение не только бы не вызвало чрезмерного удивления, но и должно было послужить отличным предостережением тем, кому пришла в голо-

ву мысль ковырять недра здешней пещеры.

Мы со звоном скрестили клинки. Как ни крути, а хоть полчаса нам следовало поупражняться в защитах и атаках, чтобы придать пушную достоверность изображаемой картине.

– Остановитесь, джентльмены! – донеслось из скальных недр.

Я бы узнал этот голос из тысячи. Он принадлежал моему старинному другу Джозефу Расселу, XXIII герцогу Бедфордскому.

– Оба-на! – Лис кивнул в сторону пещеры. – Ты гляди, начальство пожаловало. Ну все, считай, отпуск накрылся, – обреченно добавил он.

Двадцать третий герцог Бедфордский, представитель Ее Величества в Институте экспериментальной истории, был одним из первых лиц в его руководстве. Видимо, поэтому, а также потому, что именно с его легкой руки я да в общем-то и Лис попали в оперативный состав сего странного заведения, он брал на себя порой миссию сообщать Ц. У. и Е. Б. Ц. У., даваемые нашей группе высоколобыми разработчиками.

– Привет, Вальдар, привет, Сергей, – кивнул нам старина Зеф, выходя из тени. – О, я смотрю, вы решили отпраздновать свое исчезновение с размахом? – Он указал в сторону огненного круга и сложенных аккуратной стопкой взрывпакетов, ждущих своего часа.

– Ма колонель,¹ – вкрадчиво начал Лис, – а разве что-то не так? Насколько я помню, нам было поручено спасти от вероятного пленения здешнего скандинавского тирана и деспота Вальдемара Победоносного с целью воспрепятствовать развалу его королевства, что, если мне не изменяет память, не устраивало отдел разработки в связи с чрезмерными успехами испанской Реконкисты. Так вот, я рвусь в родные пенаты, дабы сообщить, что их ненаглядный Вальдемар цел и невредим и еще долгие годы может успешно победоносить в угоду нашим научным корифеям.

– Не лезь в бутылку, – прервал вдохновенную речь Рассел. – Кстати о бутылке. – Он полез в карман и достал оттуда замысловатую бутылку с коронованным вензелем. – Тут вам генерал от артиллерии Российской Императорской армии Наполеон Бонапарт передал бутылку коллекционного «Хеннеси». Я думал ее распить с вами по возвращении, но раз так дело складывается, думаю, мы можем сполоснуть ваш успех...

– Ага, а заодно и нажраться за то, что нам еще предстоит, – с нескрываемым сарказмом хмыкнул Лис. – Кстати, что опять нужно потрясателям Вселенной?

– Ерунда. – Джозеф отмахнулся от Лисовского вопроса, как от назойливой мухи. – Всех дел от силы на неделю. Я был против, но, сами понимаете, вы оказались в ненужный момент в ненужном месте.

¹ Мой полковник (*фр.*).

– Да делать-то что надо?

– Почти что ничего, – покачал головой Рассел, срывая сургучовую печать с фляги. – У вас тут, кстати, есть какие-нибудь кубки?

– Откуда?! – возмутился Лис. – Мы здесь собрались не водку пьянствовать.

– А безобразия дебоширить. Я в курсе. Что ж, придется пить по-вашему, как это по-русски, из горла. Да, так вот, о работе. Через три дня в Новгороде Великом, или как там у вас его называют, Господине Великом Новгороде, намечаются м-м... Лис, как будет конгресс по-русски?

– Сходняк, – буркнул мой напарник.

– Во-во, сходняк честных мужей, знатных витязей и ватажников повольничьих.² Образуется новая политическая сила, которая может весьма повлиять на общий ход событий.

– И что нам со всем этим делать? – с сомнением в голосе произнес вчерашний начальник венедской гвардии на службе графа Шверинского.

– Ничего. Вам следует прибыть в Новгород, благо, вас там знают, принять участие в... сходняке, составить отчет о вероятных тенденциях развития этого движения и – домой, в законный отпуск. – XXIII герцог Бедфордский отхлебнул из фляги и протянул ее Лису.

– Ну спасибо, удружили, – недовольно пробормотал экс-

² Повольниками назывались на Руси вольные ратники, собирающиеся в ватаги и поступающие на службу к купцам, боярам и т. д.

генерал-аншеф Закревский, принимая сосуд с коллекционным коньяком из рук Рассела. – А как насчет дней прибавить к отпуску за сверхурочную работу?

– Лис, погоди, – перебил я его. – Ну хорошо, предположим, мы плывем в Новгород. Но утром к берегу пристанут корабли с шестью десятками мужчин на редкость сурового воспитания. Как предполагается объяснить им, что за эту ночь мы из заклятых врагов превратились едва ли не в родных братьев?

– А может, ты один поплывешь? – мечтательно глядя куда-то вверх, вздохнул Лис. – Скажешь, что убил меня в честном бою...

– И съел. Вместе с костями и доспехами. Если я тебя убил, где твое бездыханное тело? Оно посреди огненного круга лежать должно.

– Ерунда, – махнул рукой представитель Ее Величества. – Все продумано. Сейчас мы сюда доставим тролля из лаборатории криптобиологии, попрыгаете вокруг него с гиканьем и свистом, а там рассвет, он сам в пещеру забьется. Ну а вы уж напоете песен о спасении жизни друг другу и все в таком роде.

– Кого? – переспросил я, все еще не веря услышанному. – Кого вы нам пришлете?

– Тролля. Обычайшего тупоголового тролля.

Глава 1

*Незванный гость лучше каменного.
Дон Жуан*

Время шло, и мы с Лисом с напряженным ожиданием глядели на дыру в скале, стараясь не пропустить появления тролля.

– Ну, блин, и где эта тварюка? – припрыгивая на месте, чтобы согреться, злобно бормотал Лис. – У меня уже зуб на зуб не попадает, а они все чешутся.

– Может, еще мечами позвоним? – предложил я.

Ночи в этих местах были прохладными, и мы, уже в который раз, пускали в ход клинки, чтобы хоть как-то согреться. Не грех было размяться еще, но тут из глубины пещеры донесся негромкий шорох.

– Приготовились! – скомандовал я. – Похоже, сейчас начнется.

– Э-э, без глупостей! Это еще не тролль, это я, – услышался голос Рассела.

– Может, замену нашли, – мечтательно предположил Лис.

– Вряд ли. Скорее всего прощальное слово.

– Зипун тебе под язык, – ругнулся Венедин. – Накаркаешь тут...

– Так, джентльмены, – XXIII герцог Бедфордский появил-

ся из пещеры, – тролль к запуску готов. У вас есть минут десять для организации торжественной встречи, пока его будут активировать после капсулы захвата. Предупреждаю, эта чертова особь – единственный и уникальный экземпляр породы, поэтому не слишком усердствуйте. Я взял его под свою ответственность, если с ним что-нибудь случится, крипто-биологи с ума сойдут. Редкий вид: тролль петрум метаморфус. Они на нем изучают превращение белковой структуры во фторсиликоновую, так что если вы его испортите, в камень будут превращать вас.

– А если он нас испортит? – поинтересовался Лис.

Рассел на секунду задумался.

– Тогда, вероятно, его превратят в человека.

– Слабое утешение.

– Ладно, хватит разговоров. Готовьтесь. – Джозеф развернулся и зашагал обратно к камере перехода.

– Ну что? – Лис посмотрел на меня. – Понеслась душа в рай! Капитан, напомни-ка, что нам известно о троллях?

– Так, сейчас. Троллей существует три вида: тролль обыкновенный, тролль каменный превращающийся и так называемый туссерье. Тролль обыкновенный живет во фторсиликоновой среде и в сопределах не встречается. Туссерье – высокоразвитая структура, также на кремниевой основе, обладает своей древней культурой, владеет тайной множества ремесел, однако ведет ночной образ жизни, как и все тролли.

– Короче, академик, наш-то чего боится?

– Не перебивай! – возмутился я. – Тролль каменный превращающийся боится света, шума и, если не ошибаюсь, имеет сравнительно уязвимые места под мышками.

– Шо оно значит «сравнительно уязвимые»? – ехидно поинтересовался Лис.

– Черт его знает!

Из пещеры донесся рев настолько ужасающий, что все живое вокруг пожалело, что не умерло вчера.

– Интересно, они его покормили, прежде чем выпустить? – сдавленным шепотом просипел мой напарник.

– Бесполезно, – в тон ему ответил я. – Белковая пища превращается в кремний, что, в свою очередь, требует больших затрат энергии. У него не желудок, а прорва бездонная.

Тяжеленные шаги, казалось, потрясли остров, как будто кто-то пытался вбить его в морскую пучину.

– Похоже, он не слишком быстр, – с надеждой произнес Лис, прислушиваясь к шагам.

Невообразимое чудище ростом с двухэтажный коттедж, скрючившись, боком начало выбираться из пещеры.

– Ну шо, Капитан, командуй!

– А что командовать? Надо где-то полчаса отсидеться, а там уже светать начнет.

– Может, он уже привык к людям? – с робкой надеждой прошептал Лис.

Однако предположению его не суждено было оправдаться. Выбравшись на поверхность, чудище прислушалось, с

силой потянуло воздух носовыми скважинами и, повернувшись в нашем направлении, вперевалку затопало вперед, недвусмысленно потрясая отломанным здесь же в пещере острым сталактитом.

– Ну что ж, попробуем. – Я подскочил к троллю и, проскользнув между низко опущенных передних лап, с размаху рубанул по одной из них мечом. Прекрасный клинок, без труда рубивший кольчужное полотно, высек сноп искр из покрытой рыжей шерстью конечности страшилища, заставляя усомниться в том, шерсть ли это вовсе. Ощутив, видимо, слабый толчок, тролль взмахом второй «руки» попытался то ли схватить, то ли просто снести меня с пути. Движение было неспешным, однако я едва успел отскочить от широченной лапы, заканчивавшейся шестью зазубренными каменными остриями.

– Вальдар, это дохлый номер! – крикнул мне в спину Лис. – Кончай портить меч! Прыгай в круг, сейчас мы устроим ему потанцевать!

Я опрометью кинулся в направлении, указанном Лисом. Тролль, загребая воздух лапами, подобно снегоуборочной машине, за мной.

– Быстрее, Капитан! – орал мой напарник, уже занявший место в огненном круге.

Я не заставил себя упрашивать и в кувырке преодолел все еще горевший, на наше счастье, барьер греческого огня. Взбешенный тролль, дойдя до нашего укрытия, в недоуме-

нии затормозил, вертя головой в разные стороны. Жертва исчезла, упрятав след в смрадном дыму.

Выросшие в глубине сумрачных пещер, тролли почти ничего не видят, хотя отлично слышат и имеют тонкое чутье. Серно-смоляной чад забил ноздри моего преследователя, и он стоял, переминаясь и вслушиваясь, готовый рвануть вперед, невзирая на зыбкую защиту огненного круга.

– А теперь – дискотека! – процедил сквозь зубы Лис, подбрасывая в ладони один из взрывпакетов, заготовленных для церемонии нашего исчезновения. – Перекури, кумэ!

Троль, насторожившийся было при звуке голоса моего напарника, с неожиданной резвостью отпрянул в сторону. Плюхнувшийся ему под ноги взрывпакет с грохотом разорвался, взметнув в небо сноп разноцветных искр. Я последовал примеру друга, и зверюга вновь отскочила, намереваясь опять кинуться вперед, как только отгрохочет взрыв. Похоже, громкий шум действительно отпугивал тролля, но для того чтобы обратить в бегство подобное тупоголовое создание, нужно было что-то более мощное.

– Как ты думаешь, Вальдар, рассвет скоро? – сумрачно произнес Лис, готовя к броске последний взрывпакет.

Я с сомнением поглядел на восток. Уже начинало светать, но край неба, казалось, не спешил наливаться зарей, и последние минуты перед восходом тянулись невообразимо медленно, словно солнце никак не могло проснуться и пуститься в свой обычный бег.

– Должно быть, скоро, но мы до него здесь не протянем.

– Ну что ж, – мой напарник дернул фосфорную терку, воспламеняющую огнепроводный шнур взрывпакета, – тогда врассыпную!

Последний взрыв грохнул под ногами чудовища, и мы с Лисом, выскочив из круга, со всех ног припустили в разные стороны. Троль кинулся было за Лисом, потом за мной, потом вновь за Лисом, закрутился волчком на месте и... по-медвежьи встав на все лапы, опрометью бросился назад к пещере.

Наш победный вопль трудно передать обычными звуками человеческого голоса. Им можно было останавливать птиц в полете и рыб в океанской бездне. Но «институтскому имуществу» было не до нас. Его когтистые лапы, словно камнеметный фугас, выбрасывали град мелкого щебня при каждой рывке. Дотоле неповоротливая мощная туша стремительно неслась к входу в пещеру, подобно маневровому паровозу, спешащему скрыться в туннеле. Вот наконец он достиг заветной цели, рыча, влетел в темный провал и тут... из-под задних лап злобного реликта во все стороны полетели камни, а натужный рев из глубины скалы возвестил о том, что приключения несчастного монстра еще не закончились.

– По-моему, он застрял, – философски изрек я, останавливаясь возле Лиса на почтительном отдалении от пещеры, чтобы не попасть под каменный дождь.

– Точно, – кивнул Лис, утирая тыльной стороной ладо-

ни пот с закопченного лица. – Картина называется «Привет от Винни-Пуха». Видно, кто-то слишком много ест... – Он осекся на полуслове. – Капитан, мы с тобой два идиота! Что мы стоим, он же сейчас окаменеет!!!

Слова напарника холодным душем смыли эйфорию. Никаким штопором невозможно было бы извлечь подобную кремниевую пробку из узкого горлышка пещеры. Да и предстоящая встреча с криптобиологами, грозившими в случае потери тролля превратить в камень нас самих, тоже не слишком радовала.

– Лис, его надо затолкать в пещеру! Хватай щиты и копья...

Объяснять дальнейшее было излишне. Укрываясь за щитами, мы приблизились к бушующему троллю и начали тыкать его копьями в нижнюю часть туши, стараясь активизировать рвение криптобиологического экспоната.

– Ну, давай, миленький, давай! – во все горло орал Лис, раз за разом посылая копье вперед. – Сейчас же солнце взойдет! Тебе же тогда каюк!

В отчаянии я откинул щит, перехватил копье поудобнее и... рухнул наземь, получив по лбу увесистым куском скальной породы.

Долго ли я был без сознания, сказать трудно. Вряд ли более пяти минут. До боли знакомый звон сотен маленьких колокольчиков в голове привел меня в чувство. Приподнявшись на локте, я приложил ладонь к лицу и ощутил на нем

что-то теплое и липкое. Кровь. Однако боли нет, только в голове шумит. Глаза открылись с большим трудом, и сквозь красный туман просматривался Лис, картинно опирающийся на то, что еще совсем недавно именовалось троллями или же, быть может, троллячьими окороками.

– Ну шо, Капитан, очухался? Смерть прошла, утри слезу. – Он подал мне руку, помогая встать.

– Ну... как тут? – как можно более внятно произнес я, не то чтобы желая выяснить положение дел на острове, а для того чтобы услышать свой голос.

– Как? – криво усмехнулся Лис. – Как в сказке, чем дальше, тем страшнее. Вот это, – он похлопал ладонью по довольно округлым окаменевшим ягодицам несчастного тролля, – это называется – полная задница. А вон то, – он ткнул рукой в сторону моря, – наши с тобой сподвижники спешат из беды отцов-командиров выручать. Так что, милорд, разлеживаться не время, пора готовить приветственную речь.

Забравшись на спину окаменевшему троллю, Лис вещал перед шестью десятками суровых воинов, стараясь придать своему хитрому лицу как можно более мужественное выражение.

– Братья и дружина! Ни для кого из вас не секрет, какими врагами до сегодняшней ночи были я и Вальдар Ингварсен. Всем вам известно, что я дал клятву не возвращаться в Шверин без головы моего нынешнего побратима. Может ли кто-

нибудь из вас упрекнуть меня, что я когда-либо не держал слово?

– Нет! – донеслось из толпы.

Лис воздел руку вверх, останавливая свою и мою дружины, готовые разразиться славословиями по поводу неподражаемой Лисовской честности. Это было чистейшей правдой. За годы работы в Институте мой напарник виртуозно овладел искусством сохранять репутацию «честного малого», на какие бы уловки нам ни приходилось пускаться.

– Так скажите мне теперь, – продолжал красноречивый Венедин, – что же делать далее, коли преступить свое слово я не могу, а поднять оружие против доблестного Вальдара Ингварсена отныне было бы для меня великим бесчестием, ибо отвагой своей он нынче жизнь мою от чудища злого спас?

Ратники зашумели, наперебой спеша выразить согласие со словами Лиса.

– Дело говоришь, дело! – неслось из толпы.

– Посмотрите на эту кровь! – Оратор ткнул пальцем на белую полотняную повязку с красным пятном на лбу «новоиспеченного родственника». – На поле брани она смешалась с моей. – Он торжественно продемонстрировал благодарной публике кровоточащую ссадину на руке. – Волей Небес всевидящих, волей Того, в чьих руках судьбы всякого живущего, с нынешнего дня мы братья кровные, страшной битвой по гроб жизни соединенные. Божье ли дело мне поднять ру-

ку на кровного брата?

– Негоже! – загомонили закаленные в битвах ратники.

– Вот и я говорю – негоже! – Лис спрыгнул с каменной поясницы и встал рядом со мной. – Брат мой старший, пути назад для меня нет, ибо слово свое я нарушить не могу. А путь вперед, куда бы он ни вел, с сего дня рядом с тобой будет. Командуй, брат, куда идти?

Я готовился к ответной речи с самого рассвета, но слова и обрывки фраз крутились в голове каруселью, вовсе не желая выстраиваться в сколько-нибудь связную последовательность. Кроме того, представьте мою досаду: почти год не вылезать из стычек, пережить три сражения, выиграть два рыцарских турнира без единой царапины и так бездарно получить по голове камнем, пытаясь пропихнуть в пещеру толстый филей незадачливого тролля.

Я свел брови к переносице, мучительно пытаюсь собраться с мыслями.

– В Новгород поплывем, – услышал я собственный голос, казавшийся странно чужим и далеким.

Лис приложил руку к груди и поклонился.

– Немногословно, но конкретно. Капитан, ты сам-то идти можешь?

– Да уж постараюсь.

Я оперся на копьё как на посох и, оттолкнувшись от скалы, попробовал сделать пару шагов. Островок слегка покачивался, но при известной привычке ходить по корабельной

палубе это было вполне терпимо.

– В Новгород! – радостно кричали дружинники. – Добро!

Отряды, состоящие преимущественно из венедов, свеев и данов, прекрасно знали Хольмгард,³ тем более что после недавней зимовки в его стенах многих воинов связывали с этим городом весьма тесные узы.

Вскоре два когга отошли от острова и взяли курс к берегам Гардарики,⁴ сопровождаемые толпой крикливых чаек, нагло требующих платы обедками за постой.

Я лежал в крошечной каюте на корме своего корабля, закутавшись в длинный багряный плащ с серебристой каймой, обязательный атрибут военачальника в далеком уже, слава Богу, Шверине, и вспоминал славный град Новгород, каким я его застал несколько месяцев тому назад.

На тот момент я, согласно легенде, дальний родственник короля Вальдемара Победоносного, вынужден был бежать из родных краев, спасаясь от своего троюродного дяди, старательно прореживающего ряды возможных претендентов на трон. Под моим началом уже состояла ватага не то разбойников, не то стражей, одним словом, честных наемников. Старательно кружа вокруг объектов разработки, я пытался как можно ближе подобраться к графу Генриху фон Шверину, но все мои попытки были тщетны.

³ Хольмгард – скандинавское название Новгорода.

⁴ Гардарики – скандинавское название Руси.

Меня вовсе не устраивал вариант попросту поступить под знамена гордого северного властителя и шаг за шагом подниматься все выше, чтобы наконец получить возможность выполнить порученное нам с Лисом задание. Я мог бы состариться прежде, чем это удалось, но случая преодолеть одним махом весь лестничный пролет все никак не представлялось. «Ищите лифт» – гласила одна из институтских аксиом. Спорить с этим было трудно, но дело не клеилось. «Если не удастся найти лифт, ищите лифтера, а лучше лифтершу, – утверждало первое следствие аксиомы. – Уж они-то точно должны знать, где он».

Неведомо, чем бы увенчались мои поиски, когда б не счастливый случай. Однажды, когда я в грустных размышлениях торчал в какой-то захолустной корчме, в голове прорезался бодрый голос Лиса:

– Але, Капитан! Ты там жив? Воспрянь из праха! Я шо архангел Гавриил в образе голубки Пикассо с веткой укропа в зубах спешу тебе доставить благую весть.

– Лис, что ты тарактишь? – хмуро поинтересовался я.

– Нет, ну ты не ценитель, – обиделся мой напарник. – Какой смысл приносить тебе благие вести, когда ты их принимаешь с такой хмурой мордой фейса на лице.

Моему другу повезло больше, чем мне. Он командовал отрядом венецкой гвардии при дворе графа Шверинского. Обученные Лисом стрельбе из ростовых английских луков, вчерашние охотники с берегов Лабы и Немана были гордо-

стью грозного Генриха Шверинского, весело проводившего время в боях то с королем Вальдемаром Победоносным, то с ближайшим соседом, императором Священной Римской империи Фридрихом II. Однако для успешного свершения того, что мы задумали, Лисовская протекция не годилась. Официально мы даже не догадывались о существовании друг друга.

– *Ладно, не сердись. Выкладывай, что там у тебя.*

– *В общем, так, через месяц младшая сестра Аделаиды фон Шверин-Мекленбург, супруги моего доброго сюзерена графа Генриха, выходит замуж за князя Олега Изборского. Как ты сам понимаешь, поедет она без мужа. Конвой возглавляю я. Ну, там будут еще всякие официальные лица, но это не в счет. Охрана венецианская.*

– *Ну и что ты предлагаешь?*

– *Да все, как обычно. Плохие парни обижают несчастную сироту, и тут появляешься ты на своем вороном коне в маске Зорро и, как водится, трах-бабах, восстанавливаешь справедливость. Графиня, понятное дело, в слезах и соплях, амур-тужур, розовые пеньюары и розовые изделия из бараньих кишок, проверенные электроникой.*

– *Лис!*

– *А шо я? Сам посуди.*

Я посудил. Ровно через неделю сопровождаемый моими наемниками караван Ганзейского союза⁵ отправился в Нов-

⁵ Автор знает, что Ганзейский союз был основан весной 1241 года в Любеке. Однако оставляет и впредь за собой право распоряжаться реалиями в сопредель-

город, где предстояло ждать ее сиятельство графиню. Ждать пришлось долго. Фрау Аделаида вместе с Лисом благополучно добрались до Изборска, успев на венчание Бригитты Мекленбургской с Олегом Изборским. Но свадебный пир... слегка затягивался. Он шел без малого четыре недели, пока мед и пиво, текшие по слипшимся от долгой практики усам, наконец попали в рот, заставив собравшихся прекратить пляски, хвалебные песни и созерцание скоморохов.

Когда караван графини Аделаиды тронулся в обратный путь, на землю уже лег первый снег. Дождавшись заветного Лисовского сообщения, я собрал отряд и выдвинулся навстречу. Это не могло вызвать особых подозрений: ганзейские торговые гости оставались в Новгороде на зиму, надеясь первыми по весне прихватить богатый груз пушнины, и в городе толклось что-то около десятка дружин, подобных моей, вовсе не желающих возвращаться домой за свой счет.

Богатый караван Аделаиды был, пожалуй, последним случаем добиться этого. Так что в суровой конкурентной борьбе наш выход навстречу ее сиятельству был вполне оправдан.

Все шло так, как мы спланировали. Лис сам организовал утечку информации о грандиозных подарках и несметной казне в поезде знатной дамы. Он сам помог организовать засаду «плохих парней», благо, недостатка в них не было. И все же одно мы не учли.

Когда с диким воем на возки, тянущиеся по лесной доро-

ге, с обеих сторон ринулись разбойники, графиня Аделаида выхватила у ближайшего стражника тяжелый боевой топор и, взобравшись на крышу своего транспортного средства, принялась со знанием дела рубить нападающих направо и налево. Окрыленные поведением хозяйки, стражники тоже не теряли времени даром. Поэтому, когда мой верный Мавр доставил, так сказать, главного героя к месту свершения подвига, совершать, собственно говоря, было уже нечего. Я недоуменно остановил коня возле возка ее светлости, с почтением обзревая картину произведенных ею разрушений, но едва поднял глаза на госпожу Аделаиду, она смерила меня задумчиво-оценивающим взором, слегка помедлила, побледнела и, выронив оружие, прямо с крыши рухнула мне на руки. Мавр присел, но принял вес.

Понятное дело, ни в какой Шверин в эту зиму не поплыли. Ее сиятельство изволили куртуазно болеть нервным расстройством. Долгими зимними вечерами я рассказывал ей о превратностях своей жизни, читал на память, правда, не без помощи Базы, любимого ею Ульриха фон Зингенберга,⁶ а по ночам... В общем, вопрос с лифтом был решен.

– *Але, Капитан, ты там не спишь?*

– *Нет,* – отозвался я.

– *А зря. Тебе надо спать, а то у тебя ум до Новгорода не поправится и опять Россия будет во мгле.*

⁶ Известный поэт первой трети XIII века.

– Лис, что тебе надо?

– Что мне надо? – возмутился Венедин. – Ты шо, совсем ударился? Шо нам надо! Мы домой планируем возвращаться или у тебя какие-то другие планы?

– Лис, – с недоброй интонацией начал я, прекрасно понимая, на что намекает мой друг.

– А шо я?! У меня отпуск горит. Я, кстати, мимо дома уже третий год пролетаю. Так шо давай, вызывай Базу, пусть они нам к Новгороду спасательный катер пришлют. Или уж, на худой конец, дадут координаты ближайших камер перехода.

– Слушай, свяжись сам. У меня в голове такая муть, что я и двух слов внятно не произнесу.

– Кто свяжись? Я свяжись?! Да они обо мне после того анекдота про «в ухо» слышать не хотят.

Спорить с моим языкатым другом бесполезно.

– База Европа-центр, я Джокер-1. Вызываю Базу.

– Европа-центр. Слушаю тебя, Джокер-1, — отозвался мелодичный девичий голосок.

– Добрый день, сударыня, – поприветствовал я дежурного диспетчера. – У нас неприятность. В пещере с камерой перехода тролль окаменел.

– Кто? – недоуменно переспросил голосок.

– Ну, тролль... превращающийся, редкий вид. Так вот, мы сейчас плывем в Новгород отследить одно небольшое событие. А потом хотелось бы вернуться в Институт. Так, мо-

жет, вы пришлете к городу через недельку спасательный катер?

– По инструкции я выслать спасательный катер не могу, он предназначен только для экстренных случаев.

– Родная, – вмешался Лис, – мы тебе сейчас экстренных случаев наковыряем с полмешка.

– Джокер-2, а с вами вообще никто не разговаривает, – сухо ответила девушка. – Я, конечно, постараюсь, но, Капитан, вы же сами понимаете...

– Ладно, Бог с ним, с катером. Что у нас с камерами перехода?

– Как вам сказать, – с нехорошей задумчивостью в голосе начала диспетчер, – этот сопредел еще мало исследован...

У меня похолодело внутри.

– Так что, камер нет?

– Ну почему? Есть тут... пара штук.

– Где? – снова вмешался Лис, отчаявшийся выдержать дрящущую паузу.

– Одна в пустыне в районе Хорезма, другая в окрестностях Иерусалима. Счастливого пути, Джокеры.

Глава 2

Француз: Я не понимаю, как вы, швейцарцы, можете сражаться за деньги. Вот мы, французы, сражаемся только ради чести и славы.

Швейцарец: Просто каждый воюет за то, чего ему не хватает.

Из разговора в таверне

Предположение, что «сходняк», или, как его здесь величали, «великий круг», честных мужей Руси начнется через три дня, грешило истинно английским педантизмом. Уже неделю с лишним в город съезжались нарочитые мужи со своими дружинами, так что крепостные стены не могли уже вместить толпища конных и оружных людей, ожидающих начала обещанного толковища.

Вынужденная пауза помогла мне прийти в себя, и я уже выходил на улицу подышать условно свежим воздухом и послушать городские сплетни. Слухи по городу носились разные: от страшных историй про то, как мы с Лисом до смерти забили несчастного тролля, до недобрых вестей о диких степных кочевниках, перекрывших Великий Шелковый путь, отчего баснословно возросли цены на восточные ткани, благовония и искусные золотые украшения, привозимые из-за Хвалынского моря.

Но один слух, даже не слух, а скорее известие занимало

всех. «Ничего, – говорили сведущие люди своим менее осведомленным собеседникам, – почитай, завтра уже и начнется. Вот Муромец придет...» Завтра наступало, а неизвестный мне Муромец все не ехал и не ехал. «Долог путь из-за моря, – объясняли сведущие, – знать, тайными тропами добирается».

Прогуливаясь вдоль лавок гостиного двора, я как-то к радости своей наткнулся на любекского купца Хельмута Штолля. В прошлом году мне довелось сопровождать его из Любека в Шверин, и, насколько я мог судить, ловкий торговец остался вполне доволен предоставленной ему охраной.

– О Вальдар! Никак не ожидал тебя здесь увидеть! – Обрадованный купец возбужденно грохнул своей окованной палкой о дубовый настил мостовой. – Что тебя привело сюда, старина?

– Да вот, – я неопределенно развел руками, – недавно оправился от раны, теперь без дела.

– А я слыхал, будто у тебя появилась славная служба при Шверинском дворе. – Торговец хитро покосился на меня, давая понять, что ему известны кое-какие подробности моих неусыпных вахт при особе ее сиятельства.

– Я и говорю, только что оправился от раны. – Тяжкий вздох и свежий шрам на лбу, похоже, вполне объяснили купцу нынешнее положение дел вчерашнего фаворита.

– Ну ничего, ничего, бывает. Пошли, я тебя угощу чарочкой-другой.

После обещанного количества чарок наш разговор стал куда задушевнее.

– Послушай, Хельмут, – спросил я, ставя на выскобленную столешницу недопитую медовуху. – Ты не знаешь, быть может, кто-нибудь из торговых гостей собирается идти в Константинополь?

Собеседник посмотрел на меня с удивлением и отрицательно покачал головой.

– Не слышал. Да и куда уж, время-то прошло, а путь, поди, неблизкий. Разве что в Константинополе зиму сидеть, да и то. – Штолль махнул рукой. – Нет, никто сейчас туда не пойдет.

– Быть может, хоть до Киева?

– До Киева? – переспросил купец. И ответил, чуть помедлив: – Вряд ли. Хотя сейчас об этом наверняка не скажешь. Вот Муромец приедет, там видно будет.

Я вопросительно поднял брови. Каким образом от неизвестного мне Муромца зависело движение торговых караванов, было непонятно. Но довольно твердая надежда по окончании задания добраться с какими-нибудь купцами в греки, а уж затем с византийцами до заветной камеры перехода близ Иерусалима рушилась на глазах.

– Если хочешь, по осени пойдем в Любек, – видя мое расстроенное лицо, предложил Хельмут.

Я энергично замотал головой.

– Понятно, – хмыкнул мой добрый приятель. – Может, ты

и прав. С графом Генрихом шутки плохи.

Я только вздохнул.

– А людей-то у тебя много? – поинтересовался Штолль.

– Шесть десятков.

– Не мало.

– Со мной Лис Венедин со своими.

Штолль присвистнул.

– Как же вы вместе-то оказались? Подожди-подожди, выходит, сказка о том, как вы на острове с троллем бились, не сказка вовсе?

– Чистейшая правда. Лиса за моей головой послали, мы на островок высадились, чтобы все разом порешить, а там тролль. Ну и... Сам понимаешь.

– Да-а! – восторженно протянул Хельмут. – Ну и дела творятся! Послушай, – он понизил голос до полусшепота, – ты сам видишь, что происходит кругом. Скоро на Руси такое начнется, чего сколь свет стоит не видывали. Вот Муромец не сегодня-завтра приедет и, почитай, начнется.

– Да что начнется-то? – с деланной наивностью поинтересовался я, понимая, что моему старому знакомцу известно много больше, чем он рассказывает.

– Захочешь – увидишь, – с таинственным видом отрезал торговый гость. – Я тебе одно скажу: если пожелаешь, могу ему самому о тебе слово молвить.

– Кому самому-то?

– Ну да Муромцу, конечно. У него для тех, кто с мечом,

копьем и луком управляется, сейчас мно-ого работы сыщется. – Он хотел еще что-то добавить, но появившийся в этот момент запыхавшийся приказчик сообщил, что хозяина в лавке требует какой-то оч-чень важный покупатель. – Как смеркается, ко мне зайдешь, – на ходу бросил Хельмут, кидая на стол серебряную монету, – договорим.

Вечером того же дня по городу разнеслась весть: «Приехал!» Передаваемая из уст в уста, эта новость со скоростью степного пожара обошла, казалось, все сто тысяч жителей северной столицы Руси, всех заезжих иноземцев, всех витязей с их дружинами, начинавшими уже чудить в корчмах в ожидании обещанного явления.

– *Капитан, ты слышал?* – раздался на канале закрытой связи возбужденный голос моего друга. – *Он таки приехал.*

– *Ты имеешь в виду Муромца?* – осведомился я.

– *Ну конечно! Кого же еще?*

– *Очень мило с его стороны. Но, честно говоря, я не совсем понимаю, по какому поводу весь этот ажиотаж.*

– *Капитан, ну ты темный, шо совесть тирана. Ты ничего не слышал о Муромце?*

– *Ну, честно говоря, нет.*

– *Бедняжка! Ну тогда внимай.*

Мне было слышно, как Лис вдохнул побольше воздуха, готовясь перейти на эпический тон.

– *В некотором царстве, в некотором государстве... Или*

нет, лучше так: было то в стародавние времена, мне о том деды сказывали, а они от своих дедов слыхивали...

– Лис, – напомнил я, – вернемся к Муромцу.

– Да мы от него и не уходили! – возмутился мой напарник. – В общем, так, есть у нашего народа такой национальный герой, Илья Муромец...

– Я помню. Ты его еще при Пугачеве отправил гулять по техасским прериям.

– Во-во, именно он. Так вот, у него и у жены его, Ульяны, был сын, нареченный в честь крестного отца, князя Владимира Киевского, также Володимиром. С тех пор, стало быть, так и повелось, что старший сын в роду Муромцев либо Илья, либо Володимир. Наш – Володимир. Род этот дал так много славных богатырей-защитников земли русской, что в народных сказаниях все они слились в одного бессмертного Илью Муромца.

– Забавно. Но...

– Никаких «но». Володимир Ильич Муромец еще в молодые годы продемонстрировал изрядную ратную доблесть и был послан великим князем Всеволодом воеводой-посадником в Украину Залесскую.

– Куда?

– Есть у Руси такая пограничная территория – Украина Залесская. Края дикие, лесистые, бездорожье полное. Столица ее зовется Москвой. Вот там Володимир свет Ильич воеводой и сидел. Год сидел, второй, пятый, десятый...

– Короче!

– Короче, были княжения великих князей. Причем все короче и короче. Вот тогда-то Муромец и выступил с призывом собрать землю русскую воедино, как при князе Владимире Красное Солнышко. Надо сказать, идея была услышана.

– Даже так?

– Да. Собралась дюжина князей, объединилась и раскатала дружину Володимира Ильича, шо Бог камбалу. Однако, как водится, герою удалось уйти и скрыться в чужеземных краях. Носило его там лет десять и, как сам видишь, выносило. Видал, какое войско собралось! Говорят, даже князя Мстислав Киевский и Святополк Туровский прибыли. Жаль только, что они не в заморский поход собираются, – вздохнул Венедин.

– Почему? – недоумеваю, спросил я.

– Вот ты странный! – В тоне Лиса слышалось нескрываемое удивление. – Да потому, что у нас имеются два бесхозных корабля, и куда их девать – непонятно. В Византию на них не пойдешь, на волоках застрянут, а здесь стоять, не ровен час хозяин хватится. Стуканет ему кто из ганзейцев, шо нас в Новгороде видел, примчится он за своим барахлишком, а заодно и за нами. И выдаст Господин Великий Новгород если не нас, то их не моргнув глазом, поскольку как ни крути, а наши транспортные средства сейчас в угоне значатся.

– Лис, – немного помолчав, произнес я, – судя по столь

длинному вступлению, ты явно что-то задумал.

– Я задумал?! – деланно возмутился Лис. – Да я буквально загнан в угол! Не хочу тебя огорчать, но наше финансовое положение напоминает положение покойника: гроши в зубы и по пятаку на каждый глаз. Еще день-другой, и дружина начнет разбегаться, благо, наниматься здесь есть к кому. А без дружины наш статус опускается, сам знаешь куда.

Лис был, несомненно, прав: вожак, растерявший дружину, мог претендовать не более чем на место рядового ратника под чьим-нибудь чужим стягом. Не слишком удобная позиция для добычи стратегической информации.

– Хорошо. И что ты предлагаешь? – вздохнув, спросил я.

– Как минимум найти купца, которому можно было бы хоть в полцены загнать два левых когга. Где только такого лоха найти, да еще в середине сезона?

Я слегка поморщился. Манера Лиса изъясняться в выражениях, не входящих в основную часть толкового словаря, временами доводила меня до судорог.

– Насчет простаков я тебе ничем помочь не могу. Вряд ли ты их сыщешь среди новгородских купцов.

– Ну да, они здесь все голова, им палец в рот не клади, – съехидничал Лис.

– Я тут встретил Хельмута Штолля, – пропуская слова напарника мимо ушей, продолжил я. – Помнишь, тот самый торговец, которого я в прошлом году сопровождал в Шверин. Так вот, сейчас иду к нему в лавку, заодно могу спро-

сить и о кораблях. Сам-то он их, понятное дело, не купит, чего ради ему нарушать соглашения Ганзейского союза, но, может, что подскажет.

– А, ну-ну, – голос Лиса прозвучал неожиданно задумчиво, – *поспрашивай. Я пока в порту подслуечусь. Ладно. До связи. Будут новости, звони.*

Лавка Хельмута Штолля встретила меня суматошным движением.

– Чего изволит славный витязь? – поспешил ко мне один из расторопных приказчиков, по достоинству оценив пурпурный плащ и золотую фибулу с яхонтами, скреплявшую его.

– Хозяин в лавке?

Приказчик вновь смерил меня оценивающим взглядом, очевидно, пытаясь понять, достоин ли я того, чтобы из-за моего визита беспокоить достопочтенного купца.

– Он сейчас очень занят, – неуверенно начал он, очевидно, предвидя бурную реакцию на подобный ответ. – Может быть, я смогу вам помочь?

– Пожалуй, – кивнул я. – Ступай к хозяину и сообщи, что его ожидает Вальдар Ингварсон.

На лице приказчика отразилась работа мысли, сравнимая по энергоемкости со строительством тоннеля под Ла-Маншем. По всей видимости, дело, которым был занят его шеф, являлось настолько важным, что исправный служака

не осмеливался потревожить его даже на краткий миг.

– О господин Вальдар! – слышалось у меня за спиной. – А я-то думаю, ваш это голос или нет.

Кнут, доверенный слуга именитого торгового гостя Хельмута Штолля, вынырнул из-за моего плеча неслышно, как тень.

– Хозяин предупредил, что вы должны прийти. – Он указал рукой на дверь, ведущую из лавки в личные покои купца. – Пойдемте, я провожу вас. А ты, – кинул он приказчику, – ступай к покупателям.

Моего предупредительного провожатого я знал без малого год. Он был воплощенное дружелюбие и доброжелательность, всегда усердный и готовый к услугам, вот только манера вечно оказываться за спиной и несколько странная для слуги почтенного торговца привычка таскать в рукаве острый, как шпиговальная игла, стилет вызывали странное ощущение ухабистости его торгового пути.

Мы прошли по темному коридору, ориентируясь почти на ощупь, и вышли во внутренний двор, где находился скрытый за дубовым частоколом высокий купеческий терем.

– Подождите чуть-чуть, я сейчас. – Кнут остановил меня возле резного крыльца. – Только доложу.

Его не было минут пять, потом он вновь появился, приглашая меня подняться в хоромы.

– Ну что, я, пожалуй, пойду, – донеслось из-за неплотно прикрытой двери. – Ни к чему, чтобы нас видели вместе.

– Не беспокойтесь, это верный человек. Я за него ручаюсь.

Кому принадлежал первый голос, я не знал, но готов был поклясться, что его собеседником был мой давний знакомец Хельмут Штолль.

– К тому же он весьма славный воин. Думаю, такой вам придется кстати. В прошлом году я собственными глазами видел, как он сразил трех разбойников, напавших на наш лагерь. На них был полный доспех, а этот молодец успел лишь выхватить меч да обмотать руку плащом. И что вы думаете, Кнут еще трубил в сигнальный рог, а негодяи уже валялись на земле, плавая в собственной крови.

– Хорошо, хорошо, – перебил его неизвестный, – пусть приходит завтра на площадь. Посмотрим, чего он стоит. А здесь мне с ним говорить не о чем, да и незачем, – нетерпеливо пророкотал незнакомый голос.

– Наверное, вы правы, – отозвался Штолль. – Кнут, проводи господина через тайный ход. Да так, чтобы ни одна живая душа не видела.

Выждав еще немного, я постучал.

– Да, входи! – донеслось из-за двери.

Я переступил порог. Купец сидел на широком ларе, уперев взгляд в какие-то записи. Светлица была пуста и, судя по перевозданному порядку, царившему в ней, уже не первый час. «Быстро здесь меняют декорации», – усмехнулся я.

– Проходи, Вальдар, – произнес купец, радушно поднимаясь мне навстречу. – Вижу, ты не торопился.

Из соседней комнаты появился Кнут с блюдом, уставленным восточными яствами, наверняка приберегаемыми хозяином для дорогих гостей.

– Постой за дверью, Кнут. Да распорядись, чтобы нас не беспокоили.

Слуга молча поклонился и вышел из комнаты, оставляя нас наедине.

– Угощайся, Вальдар, – начал мой давний знакомец. – Ты говорил, что сейчас без работы? Или, может, что уже сыскал?

– Сыщешь тут. – Я скривился, будто от зубной боли.

– Отчего ж нет? – удивился Хельмут. – Видел, какое воинство собирается? Нешто вас за своих не примут?

Я посмотрел на своего бывшего работодателя.

– Принять-то, наверно, примут. Да только я что-то не слышал, чтобы в этом войске набирали наемников. А людей мне чем-то кормить надо.

– Да, дела, – с видимой печалью в голосе протянул торговый гость. – Шесть десятков голодных ртов – не шутка. Чем же мне тебе помочь? – Он тщательно поскреб затылок, имитируя натужную работу мозга.

– Может, найдешь мне покупателя на два когга? – бросил я вопрос в пространство.

– Два когга? – переспросил купец, внезапно оживляясь. И, помолчав, добавил уже почти безразлично: – Твои или...

– Или, – вздохнул я, – потому отдам за полцены. До осени

досидеть, а там, надеюсь, найдется кто из имперских гостей. К Фридриху пойду, он, я слышал, крестовый поход затевает.

– Он его уже лет десять затевает, никак не затеет, – хмыкнул Хельмут. – Я б на твоём месте на него не рассчитывал. Он хозяин не из приятных. А корабли... – Он вновь изобразил на лице задумчивость. – Новгородцы их не возьмут, им со Шверином ссориться не с руки. Ганзейцы, понятное дело, тоже... Разве что венецианцам предложить? Там сейчас наши корабли очень в цене. Вот только как они мимо Киля пойдут? Голштейн со Шверином в союзе.

Я развел руками.

– Ладно, подумаем, – махнул Штолль. – Да ты угощайся! Вашу ораву я не накормлю, но тебя-то хоть до отвала. Постой, – купец хлопнул себя ладонью по лбу, – какой же я дурак! У меня есть для тебя и твоих парней прекрасное дело.

Можно было поклясться, что мысль об этом «прекрасном деле» ни на минуту не оставляла предприимчивого ганзейца весь сегодняшний вечер. Но раз уж гостеприимному хозяину отчего-то вздумалось слегка облапошить незадачливого гостя, почему бы не дать ему возможность поверить, что затея удалась? Я вопросительно взглянул на Штолля, принимая вид воплощенного внимания и полной готовности к действию.

– Послушай, Вальдар, ты знаешь, кто такой Володимир Муромец?

– В городе рассказывают, – неопределенно бросил я.

– Что же именно? – скороговоркой произнес Хельмут.

– М-м... Витязь славного рода, проливал кровушку за Русь. Говорят, что против князей дрался, а потом скитался Бог знает где. Теперь вернулся и, как я погляжу, снова готов к драке.

– Оно все так, – растягивая слова, произнес купец, – но дело в том, что выступает сей витязь за единую Русь. А единая Русь – стало быть, и единые пошлины, и княжьего разбоя меньше. Так что торговля оживет, страна окрепнет, а там, глядишь, он и путь на Восток расчистит...

Более всего во вдохновенном монологе Хельмута меня повеселило заявление о расчистке пути на Восток. Однако рассказывать купцу о том, какие неисчислимы полчища надвигаются на Русь из-за диких степей, было по меньшей мере странно. Откуда бы мне, северянину, знать такие подробности из жизни Орды?

Штолль говорил еще довольно долго, явно стараясь произвести на меня впечатление грандиозностью замыслов. Он был бы, вероятно, весьма удивлен, когда б узнал, что в моей исправно кивающей голове роятся сейчас видения сказочного Хорезма, вернее, еще более древнего, чем сам Хорезм, тонущего в струящихся песках, забытого города в пустыне Кызылкум, где, скрытая от чужих глаз, ожидает нас с Лисом камера перехода.

– ...Да вот беда, голова у Муромца отчаянная, прямиком в самую гущу лезет. Не ровен час поляжет в бою, и конец

делу. Так я и думаю, а что, ежели я тебя с твоим отрядом найму Муромца оберегать? Стражу он себе набирать не желает, так уж ты просто держись поблизости да примечай, где какая беда да опасность может случиться. Ну а от меня, да что там, от всех ганзейцев тебе любая помощь будет.

«Что-то это мне напоминает, – усмехнулся я про себя. – По-моему, меня решили завербовать втемную». Конечно, в том, что говорил почтенный представитель Ганзы, был резон. Вот только окончание разговора, нечаянно подслушанного мною под дверью, даже не столько слова, сколько тон, которым они были произнесены, наводили меня на мысль, что все совсем не так просто, как пытается представить мне добрый любекский купец. Одно уж, во всяком случае, можно было утверждать наверняка: нанимая меня, Хельмут и те, кто стоял за ним, желали обезопасить не столько жизнь могучего ревнителя российской государственности, сколько свои вложения в развитие торговли на Востоке. Однако то, что кристально ясно члену Британской палаты лордов Вальдару Камдилу, лорду Камбертону, вовсе ни к чему наемнику без роду и племени. А потому я лишь сдвинул брови к переносице и закинул в рот оторванную от соблазнительной кисти виноградину.

– Все это хорошо звучит, – неспешно заметил я, смакуя ягоду. – Но, во-первых, я еще не слышал, о какой сумме идет речь, а во-вторых, я уже говорил, что у меня с недавних пор есть боевой побратим.

– Да-да, Лис Венедин, – кивнул Штолль.

– Он самый. И я не могу принимать такое решение без него.

Словно дождавшись упоминания о своей персоне, в ту же секунду на канале связи прорезался голос моего «побратима»-напарника.

– *Але, Капитан, ты еще трезвый?* – с непонятным восторгом в голосе завопил он.

– *Даже не притрагивался.*

– *Сочувствую,* – в том же тоне продолжил Лис. – *Ладно, о тяготах и лишениях потом. Ты говорил, шо у тебя в Новгороде есть знакомый ганзейский купец?*

– *Да, я сейчас у него. Он как раз предлагает одну занятную работенку...*

– *Позже, Капитан, позже. Работа не хрен, стояла и стоять будет. Тут клиент на наши плавсредства томится, породы «лопух перевозданус раскидистый». Ты бы мог притащить на пристань к озеру своего торговца и побродить с ним по пирсу, разглядывая корабли, а лучше всего тыкая в них пальцем?*

– *Что ты задумал?* – нервно начал я, зная на практике, что после проведения в жизнь очередного Лисовского плана в городе нам лучше более не задерживаться.

– *Капитан, все будет пучком! Операция под поэтическим названием «Лис в сапогах, или Новые похождения маркиза Карабаса». Твое дело – побродить с умным лицом по пирсу,*

а потом подойти ко мне и заявить, что ты берешь оба корабля. За любые деньги.

Глава 3

Ой ты, гой еси, добрый молодец!

И на кой, еси, тебе это надо?!

Слова из песни

Свеженастланные доски пирса тихо скрипели под сапогами. Было уже совсем поздно, когда наша процессия добралась до берега Ильмень-озера, туда, где в ожидании выхода в море лениво покачивались на волнах десятка четыре лодий, коггов и крутобоких нефов. Несмотря на ночное время, пирс жил своей обыденной жизнью. Кое-где, неспешно переговариваясь, стучали киянками плотники, ремонтирующие дубовый настил, рыбачили с борта вахтенные матросы, громыхали трещотками сторожа, отпугивая то ли мелких воришек, то ли змея чудодивного, жившего, судя по рассказам местных жителей, в неведомых глубинах озера.

Заметив нас, они окидывали процессию долгим взглядом и вновь возвращались к своим делам, понимая, что ежели спешит в полночный час именитый ганзейский купец, стало быть, нужда в том есть. Пятеро стражников, судя по жилетам из волчьих шкур, надетых поверх вороненых кольчуг, из народа ободритов, и пара рослых факельщиков придавали нашему эскорту видимую значимость, но сколько таких кортежей доводилось видеть плотникам и сторожам – не пе-

речтешь.

– Вот, смотри, Хельмут, – я ткнул пальцем в ближайшее судно, стоящее у пирса, – посудина плавает уже по меньшей мере лет двадцать. К тому же, похоже, в этом году его хозяин не расщедрился на то, чтобы его как следует просмолить, и я готов биться об заклад, под палубой у него плещется вода, как в дождевой бочке...

– Пожалуй, – кивнул головой мой собеседник. – Но я не собираюсь покупать у тебя корабли.

– А вон тот неф, – не унимался я, исправно тыкая в следующую парусник, – его днище так обросло, что он едва может двинуться с места. Если его владелец и впрямь планирует в скором времени добраться домой, судя по всему... во Фландрию или, может, в Геннегау, то придется отправляться прямо сейчас, иначе до зимних штормов ему не дойти.

Штолль хмыкнул:

– Возможно, ты прав. Но мне-то что, я уже сказал тебе, я не собираюсь покупать твои когги.

– У нас отличные корабли, – словно не слыша слов торгового гостя, продолжал я. – Просто прекрасные. Да что я говорю, ты лучше сам посмотри. Во-он видишь, Лис возле них суетится. Похоже, покупателя нашел.

– Ну, вот и славно, – кивнул наш наниматель. – Надеюсь, он сможет отвлечься, чтобы обговорить дела. Время не ждет.

Мне стоило немалых трудов натолкнуть почтенного купца на мысль бросить вечерние хлопоты и отправиться на при-

стань, чтобы самому поведать Венедину о своем предложении. Я утверждал, что могу напутать, что условия сделки будут весомее звучать из уст самого Штолля, что я не хочу быть заподозренным в том, что утаиваю выгоду лично для себя и прочее, прочее, прочее. Но все мои слова ушли бы водой в песок, когда б не непреложный факт, что сегодня Лис ни за что не уйдет с причала, пока не продаст корабли, а завтра наша дружина уже нужна ганзейцам на площади.

– Кнут! – Хельмут Штолль обернулся к своему наперснику. – Пригласи сюда славного витязя Лиса Венедина. Скажи, что у меня к нему есть очень выгодное дело.

Преданный слуга молча склонил голову и поспешил выполнить поручение хозяина.

– *Капитан, все отлично. Я вас вижу. Сейчас делаем рокировку. Я иду протирать ля-ля за тополя с твоим купцом, а ты давай сюда и с умным видом надувай щеки.*

– *Зачем?* – непонимающе отозвался я.

– *У нас в годы развитого социализма один из высокопосаженных членов после посещения крейсера «Москва» записал в книге почетных гостей: «Посетил военное судно. Произвел глубокое впечатление». Так вот, бери пример с него.*

Понять что-нибудь в образной Лисовской речи было делом непростым, поэтому я решил действовать по обстоятельствам. Дождавшись, пока Штолль увязнет в беседе с моим хозяйственным напарником, я откланялся и, поднявшись на борт судна, начал с деловым видом разгуливать по палубе,

ощупывая натяжку шкотов, простукивая борта и внимательно разглядывая, хорошо ли законопачены щели. Найденный Лисом покупатель, по костюму явный фризландец, с неподдельным интересом наблюдал с берега за моими действиями, силясь осознать, что происходит. В голове моей на канале закрытой связи крутился страстный диалог расчетливого венедского витязя с не менее расчетливым любекским купцом. Оказавшийся в своей стихии Лис торговался за каждый день оплаты, за каждый фунт мяса для дружинников и гарнец овса для лошадей. Я думаю, почтеннейший Хельмут Штолль уже вполне осознал, что получение одобрения контракта у хитрого Венедина не было пустой формальностью.

– Эй! Что вы там делаете? – донеслось до меня с берега.

Похоже, мои брожения по судну вызвали настолько острый приступ любопытства у вероятного клиента, что он решился одернуть неизвестного вояку, бесцеремонно разглядывающего практически купленный им корабль.

– Смотрю, все ли в порядке, – сухо отрезал я и, повернувшись спиной, скрылся в трюме.

Переговоры купца и моего генерал-квартирмейстера, к вящему удовольствию высоких торгующихся сторон, подходили к концу. Звучно ударив по рукам и договорившись о встрече завтра поутру, переговорщики разошлись, втайне, очевидно, усмехаясь тому, как ловко каждый из них провел другого.

Покончив со сделкой, Лис с самым радостным видом воз-

вращался к нервно переминающемуся с ноги на ногу покупателю, измучившемуся в ожидании ответа на обуревавшие его вопросы. Лис приближался, улыбаясь и насвистывая что-то бодрое. Фризландец открыл было рот, спеша поинтересоваться, что, собственно говоря, происходит, но не тут-то было.

– Прости, родной, – услышал я слова Лиса. – Видать, не судьба мне продать тебе корабли.

– Как то есть не судьба?! – В тоне неудачливого покупателя звучало возмущение. – Мы ведь почти договорились!

– Ну, почти договорились – еще не значит, что договорились, – стремительно парировал Лис. – Ты меня не знаешь, я тебя не знаю. Тебе нужны корабли, мне нужны деньги. Господин ганзейский купец дает больше.

– Но ты говорить – слово! – не унимался задетый за живое северянин. – Ты продавать корабли две трети цены. Я тебе платить деньги – задаток!

– Тю! – возмутился Венедин. – Я шо, тебя обокрал? Держи обратно свои гроши. Это у вас, у торговых гостей, слово дороже денег, а нам-то что, – Лис махнул рукой, – только монету плати, и мы вообще рта не раскроем.

– Но я платить тебе хороший деньги за чужой судно! – упирая на «чужой», продолжал свой бессмысленный торг найденный моим другом «лохус натуралис».

– Родной! – Лис сделал паузу. – Ты, видать, не понял: господин, с которым я только что беседовал, – представитель

Ганзейского союза. И если его человек скажет, что корабли так хороши, как я о них говорил, то он выкладывает за каждый по две цены против той, которую предложил ты.

– Это не может быть! Ганза не покупает краденый корабль!

– Как скажешь, – согласился Венедин. – Ладно, все. Ступай и прости, если что не так. А я пойду посмотрю, что там чертов конунг в трюме делает.

«Чертов конунг», то есть я, счел последнюю реплику вполне уместной для эффектного появления из корабельных недр.

– Все отлично, – заявил я, вылезая на палубу. – Прекрасный корабль. Если второй такой же, я скажу хозяину, что они действительно стоят тех денег, которые он за них платит.

– Да-да, конечно, посмотри. Второй ничуть не хуже, – отозвался Лис.

– Но как так быть? – Фризландец тронул плечо глядевшего мне вслед Лиса.

– Муромец приехал, – неопределенно вздохнул мой друг, разводя руками.

– И что? – обалдело спросил купец.

– Ты шо, совсем?! – Венедин постучал кулаком по лбу. – По слогам тебе повторяю: Му-ро-мец при-е-хал.

– А-а-а, – понимающе закивал северянин. И продолжил, переходя на шепот: – Послушай, я давать две цены плюс еще полцены. Прямо сейчас, не утром. Вот монеты. – Он потряс

перед носом моего друга туго набитым кошельком.

– Сказал же тебе – не могу, – досадливо отрезал Лис. – Сам же твердил: слово! слово! Мы уже по рукам ударили. Стало быть, извиняй. Вот сейчас купцов слуга оценит...

Фризландец ловко поймал брошенную ему подачу.

– А если он сказать хозяин, что корабль плохой?

– Ну, знаешь ли, это ты с ним сам договаривайся.

Мы договорились.

Утро началось с грохота в дверь и возбужденного шума голосов на лестнице. Я открыл глаза и, с трудом наводя резкость, бросил взгляд на затянутое бычьим пузырем оконце. Судя по всему, только начинало светать.

– Шо-то я не понял. – Лис, приподнимаясь на локте, начал нащупывать рукоять лежавшего рядом с топчаном меча. – Шо это еще за ранний старт? Кажется, за нами никакого криминала не водится, шоб вот так спозаранку тревожить почтенных джентльменов.

Я прислушался. Постоялый двор, на котором мы остановились, жил своей – и, похоже, весьма бурной – жизнью.

– Лис! – скомандовал я. – Растолкай тех, кого можно растолкать, и готовьтесь к бою. Сейчас! – крикнул я, начиная снаряжаться. – Сейчас открою!

Вчерашнее неподъемным грузом прижимало дружинников к полу, мешая им не то что оторвать голову от свернутых на манер подушки плащей, но даже просто открыть глаза.

Пожалуй, радость по поводу продажи кораблей и приобретения оплаченной работы была в алкогольном эквиваленте чрезмерной.

В дверь снова застучали.

– Иду-иду! – крикнул я и, поудобнее перехватив меч, отодвинул засов. – Что надо?

Лестница была забита молодыми людьми приказчицкого вида. Тот, кто стоял ближе всех к двери, явно добившийся столь выгодного положения благодаря недюжинной телесной мощи, затараторил, спеша опередить собратьев:

– Говорят, у вас продается два корабля...

– Уже проданы, – зло бросил я, закрывая дверь перед его носом.

– Здесь тоже проданы! – донеслось из-за двери, и два десятка ног затопали вниз по лестнице.

– Что это было, Капитан? – подходя ко мне, поинтересовался Лис.

– Десяток приказчиков интересовались, есть ли у нас корабли на продажу.

– Ну дела! И чего бы им вчера не прийти?

Я пристально посмотрел на друга:

– Лис, а скажи мне, пожалуйста, что ты имел в виду, упоминая вчера маркиза Карабаса?

– Ну-у... понимаешь... сущие пустяки. – Мой друг скорчил рожу провинившегося ребенка. – Я послал несколько человек, чтобы они побродили по пирсу, поговорили со шки-

перами о цене на корабли в этом сезоне. Ну и выразили заинтересованность Ганзы в срочном увеличении своего флота.

Я вздохнул. Скорость распространения слухов в Новгороде была не менее высокой, чем в любом торговом городе.

– Ладно, давай поднимай дружину. Пора собираться на площадь.

– Неужели продешевили, – страдал Лис, размашисто шагая по направлению к площади. – Господи, интересно, а почему корабли сегодня?

– Можно узнать, – отозвался я, подыскивая слова для утешения своего друга.

– Ни в коем случае! – замахал на меня руками Лис. – Если выяснится, шо они сегодня стоят дороже, чем я взял с нашего терпилы, моя жаба примет невиданные размеры.

– Кто? – не понял я. – Жаба – это такая... вроде лягушки?

– Жаба – это вроде полный абзац, – хмуро кинул Лис. – Она нападает и давит, пока дерьмо из ушей не полезет.

Я с сочувствием посмотрел на своего боевого товарища. Чудовища, водившиеся в недрах российской глубинки, похоже, представляли леденящее душу зрелище.

– О, друзья мои! – Хельмут Штолль в окружении своей ободритской стражи уже поджидал нас у тисовых ворот гостиного двора. – Приветствую вас!

Мы с Лисом склонились в низком поклоне, спеша засвидетельствовать почтение щедрому нанимателю.

– Кстати, господа, как у вас обстоят дела с продажей кораблей?

Я услышал, как со скрежетом смыкаются Лисовские челюсти и невольно оглянулся посмотреть, не появился ли вдруг упомянутый Сергеем монстр. Слава Богу, страшилища не было.

– Вчера продали, – поспешил ответить я, искоса наблюдая, как у Лиса отливает от лица кровь.

– Очень жаль, – вздохнул Штолль, – а то у меня есть человек пять отличных покупателей. Дают тройную цену за самую никчемную лохань.

Лис был близок к обмороку. Он сомнамбулически шевелил ногами, продвигаясь вместе с нашей процессией, не в силах сказать ни слова.

– Сегодня с утра все как взбесились, – продолжал благодушно настроенный торговый гость. – Бегают, торгуются, толкуют о каком-то заморском походе, трещат как сороки: «Муромец приехал, Муромец приехал». И мне отчего-то показалось, что все ждут, когда я открою очень важную тайну.

Лицо моего друга приобрело оттенок той самой деревянной мостовой, по которой мы сейчас ступали.

– Что с тобой, Венедин? – Хельмут недоуменно смерил моего друга взглядом с ног до головы. – Ты болен?

– Вино, – не размыкая зубов, процедил мой напарник.

Так и осталось невыясненным, жаловался ли Лис на качество выпитого вчера на постоялом дворе или же, наобо-

рот, просил поднести ему чарку, чтобы обрести силы жить дальше. С площади, бывшей уже совсем неподалеку, донесся слитный рев сотен луженых глоток: «Муромец!!! Муромец!!! Молви слово, Володимир!»

– *Продешевил! Продешевил!* – услышал я причитания на канале мыслесвязи. – *Ну надо же!*

– *Послушай, Лис,* – пытался успокоить я своего друга, – *всех денег все равно не заработаешь. К тому же зачем тебе их столько? Сегодня-завтра мы набираем достаточно материала для доклада в Институт и отбываем восвояси, сделав всем ручкой. Благо, при помощи Хельмута мы сможем достаточно близко подобраться к главным источникам информации, да и сам факт связи сегодняшнего мероприятия с политикой Ганзейского союза весьма пикантная приправа к нашим непредвзятым наблюдениям.*

– *А репутация!* – продолжал причитать мой друг. – *Моя репутация! Так лохонуться!* – Отчаяние Лиса было столь велико, что его безмолвный вопль, похоже, заставил обернуться седобородого старца в черно-алом одеянии, опиравшегося на длинный посох.

– *Приди в себя, на нас уже обращают внимание.*

Ведун перевел взгляд с Лиса на меня и, скривив губы в какой-то странной усмешке, отвернулся.

– *Ладно, все-все, проехали. Нет, но так лохонуться!*

Сотни людей в кольчугах, колонтарях,⁷ байданах,⁸ а то и в простых тегеляях⁹ толпились около каменной колоколенки, где в окружении недреманной стражи красовалась святыня и гордость Новгорода, залог его вольностей и прав – гулкий вечевой колокол.

– ...Господин Великий Новгород с Русью испокон веку единой кровью был. Отсюда и Рюрик пришел, и князь Ярослав в трудную годину здесь хоронился. Ежели град Киев – отец иным городам русским, то Новгород, почитай, всей Руси колыбель. – Слова оратора были встречены гулом одобрения.

– Это Гнездило Рогволдович, – пояснил стоящий рядом Штолль, – старшина новгородский.

– Вот и сегодня, – продолжал выборный голова боярского совета, – Новгород в своих стенах собрал честных мужей, для коих кровь и слезы Руси больше кнута и страшнее мора. И вновь Новгород готов силой, – Гнездило воздел кулак к небесам, – всей мощью своей поддержать славных витязей земли русской в столь трудную годину. И в этот великий день, великий час, – боярин развел руки, словно пытаюсь охватить ими всю площадь, – клянётесь ли вы, други, и ты, Володимир свет Ильич, храбрый Муромец, беречь пуше

⁷ Колонтарь – доспех из двух половин кольчужной сетки, соединенной по бокам и на плечах завязками, скрытыми металлическими пластинами.

⁸ Байдана – доспех, похожий на кольчугу, но кольца более крупные и плоские.

⁹ Тегеляй – доспех, похожий на стеганный ватный тулуп.

глаза своего права и вольности Великого Новгорода? И в час победы вашей, в память о нашей подмоге, оружною рукой защищать его от злого ворога?

– Клянемся! Клянемся! – ревела площадь, и мне показалось, что, потребуй сейчас боярин у собравшихся после победы совершить церемонию харакири, и в этом не получил бы отказа.

Среди собравшихся у вечевого колокола я давно заприметил человека, которого мысленно окрестил Володимиром Муромцем. Макушкой вровень с рослым новгородским боярином, он был вдвое шире его в плечах, и огромная косматая голова, слегка склоненная набок, чтобы лучше видеть говорившего, производила впечатление какой-то стихийной, негибаемой, неумолимой мощи, способной двигать горы и останавливать светила в полуденном небосклоне. Я невольно залюбовался матерым человечием, но то, что произошло далее, повергло меня в шок. Он встал.

Толпившиеся на возвышении люди закрывали от меня богатыря, и мне казалось, что он стоит, слушая новгородского старшину. Так вот, это была ошибка – он сидел.

– Ну ни-че-го себе! – услышал я за спиной восхищенный возглас Лиса, рост которого достигал шести футов шести дюймов. – Это ж как такое уродилось?!

Голова боярина Гнездилы теперь красовалась где-то на уровне груди Муромца.

– Я свое слово уже молвил, – произнес Володимир голо-

сом, которому гулко вторил молчавший дотоле вечеровой колокол. – Все права и вольности на Руси и в землях новгородских от века существовавшие – святы. Другого слова у меня нет. Всем вам, други мои, ведомо, чего хочу я – Русь желаю видеть вольну и сильну. А кому из вас невдомек, что лишь в единении сила? Потому зову вас сегодня с собой не на разбой, а на деяния великие. Сегодня с нами в правом деле князя Рюрикова рода: Мстислав Киевский да Святополк Туровский. С утра нынче весть пришла из далекого Галича от князя Данилы, что с нами он. И как мы сегодня под единым великим стягом собираемся, так и вся Русь соберется!

– Стойте, стойте, народ православный! – разнесся над толпой голос, который после рокотания защитника земли русской можно было бы назвать слабым, когда б не перекрывал он ликующий гомон толпы. Расталкивая плечами собравшихся у лестницы, на помост взобрался опиравшийся на пасторский посох старец в черном одеянии и с наперсным крестом, до половины сокрытым окладистой бородой.

– Игумен Филимон из Софии, – услышал я поблизости. – Вот же принесла нелегкая!

– Стойте, православные! – гневно потрясая посохом, вещал игумен. – Разве не знаете вы, на что руку поднимаете? Или неведомо вам, что всякая власть от Бога?

– Не рви горло, отче! – Муромец благодушно усмехнулся и положил руку на плечо священника. Сам, видимо, того не желая, святой отец рухнул на то место, с которого недавно

встал Володимир Ильич. В толпе раздался хохот.

– Ну, че лыбьтесь? – крикнул Муромец. – Может, из вас кто длань мою выдюжит? – Народ на площади затих, вовсе не горя желанием проводить эксперименты на себе. – То-то. Вот ты, преподобный, говоришь – всяка власть от Бога. И мы говорим – всяка власть от Бога. А вот от Бога ли лить кровушку братскую? От Бога ли деток сиротить да на злой покраже жировать? Молчишь! – В тоне богатыря слышался плохо скрываемый гнев, отчего голос его рокотал как иерихонская труба, и я уже начал опасаться за новгородские стены.

Онемевший игумен, вжавшись в каменную лавку, опасливо глядел на богатыря, словно ожидая расправы.

– Но спасибо тебе, отче, молвил ты слово верное. Братья и дружина! – Муромец вновь обратился к заполнявшим площадь витязям. – Всех тех, кто стоит за власть, что от Бога положена, зову с собой. Пишитесь в дружину мою. И да поможет нам Бог!

– Пиши меня, отец родной! Я, Чурило свет Олегович, витязь киевский, да со мной два десятка гридней.¹⁰

– Знамо! Знамо Чурилу! – зашумела толпа. – Славный витязь! Из первых под Луческом был.

– И я с тобой, Ильич! Ждан Светозарович из псковской земли, да со мной два брата и пять воев.

¹⁰ Гридень – воин.

– Любо, псковитянин! По Стелокольне¹¹ знамо!

– И меня пиши, – раздалось где-то рядом. – Ропша Хват, да повольников со мной три дюжины.

– Доброе имя! Ту год свесь на Двине бил!

– Ну что, я пошел, – наклонился я к Лису.

– Удачи, Капитан, – прошептал он.

– С тобой хочу идти, Володимир Ильич! Я, Вальдар Ингварсен, сын камваронского ярла. Да со мной Лис Венедин и шесть десятков кнехтов и лучников.

– Знамо! – крикнул кто-то.

– Не знамо!!! – раздалось совсем близко. – Кто таков?

Я увидел, как Муромец устремил взгляд в нашу сторону, однако, похоже, искал он не меня. По-видимому, он нашел то, что искал, поскольку стоявший чуть поодаль Штолль едва заметно кивнул, и вслед за этим Муромец прогудел:

– Ну-тка, расступись, честной народ. Покажись нам, витязь заморский.

Толпа расступилась, давая узкий коридор, и я, поправив свой пурпурный плащ, зашагал к каменному помосту.

– Так вот ты каков, витязь Воledар. Слыхивал о тебе слово доброе. И про то, как ты в чужестранных землях с разбойниками бился, и про то, как вы с Венедином на острове чудо-юдо заморили. Да вот беда, все это невесть где было, а здесь ваши имена мало кому ведомы. Так что если поверит народ слову моему...

¹¹ Стекольна – современное название Стокгольм.

– Медведем его испытать! – донесся из толпы тот самый голос, который первым выкрикнул, что я неведом.

– Медведем! Медведем! – радостно донеслось над заполнившей площадь толпой.

– Ну что, витязь, сам слышишь, что народ решил. Согласиться иль отказаться – сам думай.

– *Капитан, – раздался в голове предостерегающий голос Лиса, – по-моему, самое время обидеться и послать их самих к медведям. Тем более что начальство вряд ли оценит твое рвение.*

Лис, несомненно, был прав, и мысль попасть в лапы медведю ради десяти – пятнадцати страничек текста, который, возможно, никто никогда не прочтет, меня вовсе не грела. Но опозориться перед таким количеством витязей – нет, уж лучше медведь.

– Ну, – дожидаясь ответа, заторопил меня Муромец.

– А! Была не была! – Я сорвал с головы шапку и бросил ее оземь. – Давайте бурого!

– *Ну вот. Ты опять сошел с ума, – с безысходным оптимизмом констатировал Лис. – Капитан, ты думаешь, тебе шчас приведут олимпийского мишку и он улетит в свой сказочный лес? Вынужден тебя расстроить: скорее всего это будет особь кило под триста, да еще и кормленная последний раз невесть когда.*

– Лис, не мельтеши. Все равно уже ничего не изменишь. Постарайся лучше вспомнить, что нам известно о борьбе

с медведями.

– Медведя лучше всего бить в степи с вертолета, – хмуро отозвался Лис. – Ну а если серьезно, брюхо у него слабое, ноздри, задница... Но что это нам дает? Ты представляешь, с какой скоростью эта зверюга машет лапами? Майк Тайсон рядом не угадывается! А на лапах у этой твари, между прочим, не мягкие перчатки.

– Ладно, не пугай. Можно подумать, я не представляю, что такое медведь.

Если бы я даже и не знал ничего о животном, с которым мне сейчас должно было сойтись в поединке, то в эту минуту у меня появился вполне реальный шанс узнать о нем побольше. словно повинувшись волшебной палочке, толпа раздалась, очищая круг для будущей схватки и огораживая его высокими строевыми щитами, из-за которых торчали широкие наконечники копий. Следом за этим два дюжих молодца вывели на поле битвы косолапого великана, недобро оглядывающего людское море вокруг.

– Ну что, люди хорошие, простите, если что не так, – крикнул я, склонившись в поясном поклоне. Скинув плащ, я передал его Муромцу. – Ежели не вернусь, отдай кому пожелаешь, – и, неожиданно размахисто перекрестившись, шагнул в круг.

– Подожди себя хоронить, – донеслось мне вслед.

Наверное, самое худшее у медведей – это выражение морды. Точнее, полное его отсутствие. Замысел любого хищника

можно предугадать, глядя ему в глаза. Но только не медведя. Осознав, что сдерживающие его цепи сняты, бурый хозяин леса осмотрелся кругом и, заметив меня, вздыбился, оскаливая пасть и угрожающе рыча. В таком положении он был на полторы головы выше противника и, стало быть, чувствовал себя хозяином положения. Вспоминая выступления на боксерском ринге в Кембридже, я начал враскачку приближаться к косолапому, выбирая удачный момент для атаки.

– *Капитан, ну шо ты пляшешь!* – раздалось в голове. – *Ты его только злишь.*

Очевидно, Лис был прав, поскольку в ту же секунду мохнатый исполин ринулся на меня со скоростью, вовсе неожиданной для столь мощной туши. Я едва успел вжать голову в плечи и опустить ее как можно ниже, когда передние лапы чудовища сомкнулись на моей спине и длиннющие когти закрипели по кольчуге.

– Держись, Капитан! – заорал Лис, расшвыривая ограждавших круг гридней.

Мир перед моими глазами погас. Через мгновение он появился вновь, но отчего-то лишенный привычных красок. Над головой быстро и оглушительно щелкали медвежьи челюсти, и жуткая вонь из пасти сводила меня с ума. Я зарычал, впиваясь пальцами в мохнатую шкуру зверюги, и она с невероятной легкостью поддалась под моей хваткой. Разъяренная тварь оглушительно взревела и, еще более сжимая объятия, начала наваливаться на меня всем весом.

Что было дальше, я помню с трудом. Возбужденный мозг вспышками выхватывал то колено, раз за разом бьющее в мягкое медвежье подбрюшье, то бросок, когда наваливающийся на меня медведь вдруг, потеряв опору, со всего размаху уселся на хвост и от боли взвыл совсем не по-медвежьи. Я не помню, каким образом мои пальцы оказались в ноздрях лесного чудовища, раздирая их до крови. Я пришел в себя лишь тогда, когда бурая туша, в который раз награждаемая мною тяжеленными ударами в височную впадину, рухнула наземь, увлекая за собой и меня.

* * *

Меня била крупная дрожь.

– Капитан, шо это было? – услышал я над собой голос Лиса.

Я открыл глаза, стараясь разглядеть его. Он был то цветным, то черно-белым. В голове гудело, словно ведьма в дымоходе.

– Я долго бился?

– Бился?! – Изумление Лиса казалось неподдельным. – Да ты его почти разорвал! Секунд за сорок. Абсолютный мировой рекорд!

– Сейчас я умру, – прошептал я, закрывая глаза.

– Э-э, ты мне это брось, – затряс меня мой напарник.

Слова эти были заглушены конским ржанием.

– Володимир Ильич! – услышал я сквозь рвущую сознание тошноту. – Князь Олег Изборский на нас идет! Со всей дружиной!

Глава 4

*Скатертью дорога тебе, добрый молодец,
Василиса Премудрая*

«То не громы над Псковом ударили, то не молнии сверкнули под Изборском, то ударили витязи русские, то сверкнули мечи их булатные...» Слова эти, распевно произносимые надтреснутым, но сильным голосом, доносились до меня с соседнего возка, сопровождаемые перебором гусельных струн и скрипом множества колес. Воинство Володимира Муромца готовилось всей своей невиданной для Руси мощью обрушиться на одинокую княжью дружину потомка брата великого Рюрика Трувора, не пожелавшего признавать выскочку и онука крестьянского. Клубилась меж вековыми дубами пыль, поднимаемая тысячами коней богатырских на лесных дорогах, катились возы с доспехами и провиантом, шли пешие отряды оружных воев постоять за землю русскую.

Пользуясь временной передышкой, я отдыхал, лежа в возке, все еще окончательно не придя в себя после схватки с медведем.

– Эк тебя плющит-то, – усмехнулся, подъезжая поближе, Лис, уже обретший свою привычную непринужденность. – С чего бы это вдруг?

– Сам бы попробовал.

– А со стороны поглядеть, так явно заказной бой. Секунд десять ты перед ним танцевал ламбаду, а потом, когда мишка решил составить тебе пару, ты на него напал и зверски избил.

– Лис. – Я страдальчески поморщился.

– Шо Лис, ну шо Лис, – издевался напарник. – Я даже тотализатор не успел открыть, как ты его нокаутировал. Ну разве это по-товарищески? Будь я режиссером на съемках кина, ей-богу, заставил бы переснимать дубль.

Я вспомнил страшные медвежьи объятия, шелкавшие над головой челюсти, никогда не знавшие зубной пасты, скрежетание когтей по яцериновой¹² кольчуге и отвернулся, стараюсь скрыть вновь подступившую дурноту.

– Кстати, Вальдар, – не унимался венецианский зубоскал, – поведай мне в качестве дележа опытом: это ж как нужно схватить бедную тварь, чтобы наковырять в ней столько скважин? Порвал, шо Бобик грелку!

– В каком смысле?

– В смысле шестнадцати дырок.

– Почему шестнадцати? – удивился я, пытаюсь поточнее разделить шестнадцать на пять.

– Я почем знаю?! Четыре серии по четыре дырки.

– Почему по четыре?

– Ты меня спрашиваешь?! – возмутился Лис. – Можно подумать, это я ведмедыка закатував. Но дыры очень глубокие.

¹² Кольчуга очень плотного плетения.

Словно ты его когтями рвал.

– Ничего не помню, – вздохнул я. – Он меня, видимо, лапой по голове зацепил, потому что у меня потом еще полдня картинка мелькала то цветная, то черно-белая.

– Не цеплял он тебя лапой, это я тебе точно говорю.

Я молча пожал плечами.

– Ладно, подследственный, допрос с пристрастием отложим на более позднее время. Вон тебя Кнут разыскивает. – Он хлестнул коня. – Позже договорим.

Преданный слуга Хельмута Штолля, приведший из Старой Руссы в армию Муромца обоз с провиантом, купленный Ганзой, ждал прохождения войск, чтобы отправиться в обратный путь.

– Добрый день, господин рыцарь. – Поравнявшись с моей телегой, Кнут предупредительно поднял свой колпак и соорудил такую участливую мину, что стал неувовимо похож на фреску «Дева Мария, скорбящая над сыном». – Хозяин велел узнать, как ваше здоровье. Если вы еще не поправились, он просил передать вам эту мазь на пчелином яде, которая быстро вернет былую силу.

Он склонился ко мне, протягивая опечатанный сургучом глиняный кувшинчик, и, зыркнув вправо-влево, прошептал:

– Хозяин велел вам узнать у Муромца, с чем связана покупка кораблей и собирается ли он идти в поход на Ревель и Ригу. Если да, в Пскове найдите любого ганзейского купца и передайте ему этот кувшинчик для Хельмута Штолля с

благодарностью.

– Это все? – отрезал я.

– Нет, – со все той же ласковой интонацией произнес Кнут, поднимая на меня холодный, как балтийская зима, взор. – Хозяин велел вам напомнить, что ваше место не в телеге, а подле Володимира Ильича. Так что выздоравливайте скорее, господин рыцарь, – закончил он значительно громче, выпрямляясь в седле, – герр Штолль надеется скоро видеть вас в добром здравии.

– Але, Капитан! – донеслось до меня. – *Шо хотел этот брат милосердия?*

Я хмыкнул:

– *Держись крепче. Главный врач велел выяснить, с чего бы это вдруг в Новгороде начали скупать корабли и не собирается ли наш быллинный герой идти войной на Ливонию.*

– Не понял. С какого бодуна? – возмутился Лис. – *Что, в Новгороде уже и пару кораблей продать нельзя?*

– *Продавать можно. Их тут каждый день продают-покупают. А вот «утка» насчет резкого увеличения флота Ганзы под муромским соусом – это уже был некоторый перебор.*

– *Кто бы мог подумать, что у местной публики столь нежные желудки?* – попытался оправдаться Лис.

– *Да нет, с желудками у них все в порядке. Они просто думают в заранее заданном направлении. Посуди сам: у Ганзейского союза сейчас практически полная монополия*

на торговлю в Балтийском и Северном морях. Их в этом деле поддерживает Тевтонский рыцарский орден, получающий свой процент за охрану и осуществляющий связь между Ганзой и императором Священной Римской империи. Кстати, политика оного весьма во многом направлена на защиту Ганзейского союза. Теперь Ганза вложила, насколько я понимаю, немалые деньги в революцию на Руси. Как мы уже видели, в этом деле на паях участвуют и Господин Великий Новгород, интересы которого во многом совпадают с Ганзой. Но не совсем.

– Что ты имеешь в виду? – серьезно отозвался Лис, выслушивая мои тезисы к будущему докладу.

– С недавних пор у Новгорода появился весьма опасный конкурент – Ливонский рыцарский орден. Принадлежащие ему порты Ревель и Рига значительно более удобные для морской торговли, чем изрядно отстоящий от побережья Новгород. Конечно, Ганза заинтересована подчинить эти земли своему влиянию, но, видимо, этот вопрос для них не первоочередной. А быть может, ганзейцы планируют его решить при помощи Тевтонского ордена. Здесь пока информации ноль, но ясно другое: массовая скупка кораблей – а я так понимаю, что большую их часть скупили новгородцы, – в глазах Ганзы означает только одно – планируемый Муромцем поход на Ливонию. То есть смена Володимиром Ильичем, так сказать, своих хозяев.

– М-да, дела! Ты думаешь, он запродался немцам?

– Если б все было так просто, – вздохнул я. – Если бы Муромец, как ты говоришь, запродался, вряд ли Штолль нанял бы меня за ним надзирать.

– Ага, а за тобой он приставил надзирать Кнута, а за ним еще кого-то, и так до бесконечности. Ты же знаешь, торговый люд сидит на бабках, значит, всем верит и никому не доверяет.

– Во всяком случае, пока мы не узнаем, что творится в голове у Муромца, с докладом спешить нельзя.

– Нельзя-нельзя! А ты тогда чего здесь разлегся?! Нашел время помирать! На Гаваях кофе стынет!

Конный вестовой, пролетая вдоль колонны, притормозил скакуна возле моего друга, не давая ему развить свою мысль по поводу горящего отпуска и отлынивания начальства от выполнения возложенных задач.

– Ты будешь Лис Венедин? – поинтересовался всадник.

– С утра, во всяком случае, был, – отозвался командир венедских лучников.

– Муромец к себе кличет. Разговор у него есть.

Муромец подждал моего напарника, восседая на спине огромного фризландского жеребца, мохноногого, длинноногрого, топчущего землю копытами величиной с обеденную тарелку. Насколько я знал, еще десяток таких же, перевезенных специально под его седло, двигались в следовавшем за войском табуне, ожидая принять на себя без малого

два центнера богатырского веса.

– Так, значит, ты и будешь Лис Венедин? – Володимир Ильич смерил собеседника долгим взглядом.

– Был, есть и буду, – отозвался мой друг. – А что, есть какие-то иные предложения?

– Да нет, – покачал головой полководец. – Зовись как пожелаешь. Я о другом тебя расспросить хотел. Мне тут сказывали, что той зимой ты невесту князя Олега Ярославовича в Изборск к жениху вез. Правда ли?

– Путают люди. Я не невесту, а ее старшую сестру сопровождал. Аделаиду, жену графа Шверинского. Но на свадьбе, было дело, гулял. Знатное веселье было.

– Хорошо, – перебил его Муромец. – Стало быть, ты и князя, и женку его успел рассмотреть?

– Да так. Кого ж на свадьбе-то разглядишь, чай, не смотрины.

– И то верно, – согласился Володимир Ильич. – Но ты-то лучник, у тебя глаз зоркий, что-то же небось да заприметил? Вот и поведай мне, что за птица князь Олег.

– У-у, батюшка. – Лис задумчиво поглядел в небо. – Орел-птица. Силенок у него, пожалуй, маловато, но когти во все стороны, чуть что не так, тотчас по темечку клюнет. Он же двенадцати лет от роду сиротой остался: псковитяне отца его на копыта подняли, когда тот пытался им напомнить, что Псков в землях изборских стоит, значит, князю дань платить повинен.

Сказывают, княжич вместе с батькой был, да каким-то чудом спасся, но отца на рогатинах он воочию видел и псковитянам того не простил. Покуда те мыслью утешались, что княжич годами мал, он собрал верных отцовых дружинников да на переходе из Чудского озера в Псковское перенял торговый караван, идущий с товаром в Псков. Думаю, что те из горожан, кто после этой ярмарки выжил, надолго ее запомнят. Да вот только немного таких осталось.

– Слышал я о том сказ, – мрачно кивнул Муромец. – И о том, что ливонцы тем временем Юрьев себе захапали, слышал. Говорят, он после того без малого год Юрьев в облоге держал.

– Держал, – согласился Лис, – да только без толку. Сил-то у ливонцев куда как поболее будет. Хотя, сказывают, страху он на них нагнал немалого.

– Что и говорить, славный князь. Уж, почитай, сколько лет один против Ливонии край земли русской держит. Ведомо мне, первую его жену ливонцы в полон взяли?

– Взяли, – подтвердил Венедин. – Требовали, чтобы он принял вассальную присягу и впредь бы держал свои земли от ордена. Князь их и слушать не стал. Посадил посольство на лошадей задом наперед, ноги под брюхом связал да в таком виде из земли своей и выгнал. Так, сказывают, господа рыцари жену его, дочь полоцкого князя, в каком-то дальнем монастыре гладом и холодом морили.

– А я слышал, будто ее кинжалом закололи, – задумчиво

произнес Муромец, похлопывая по холке своего огромного коня.

– Может, и кинжалом, – пожал плечами Лис. – Не в том суть дела. За смерть жены своей князь сторицей заплатил. Сколько замков порушил, сколько маетков пожег – и не счесть.

– Ливонцы, я так понимаю, тоже в долгу не оставались.

– Не без того, – согласился Лис.

– Да, славный князь, – вновь повторил Муромец. – Таких бы поболее. Жаль против него идти.

– А то не жаль! Коли его одолеем, кто границу охранять будет? Мы уйдем – ливонцам дорога откроется: хошь на Псков, хошь на Новгород.

– Верно речешь, Венедин, – задумчиво произнес Володимир Ильич, глядя вперед на колыхающиеся по ветру дружинные стяги. – Я вот что думаю, – продолжил он, устремляя на Лиса немигающий пристальный взгляд, – последнее дело для нас с изборцами биться. Миром все порешить надо.

– И то верно, – кивнул Лис.

– А коли верно, так слушай, – резко бросил богатырь. – Нужен надежный человек, князю лично ведомый, который бы к нему пробрался да растолковал, что нет нам резона с ним воевать. Одно дело делаем. Вот я и думаю: ты с ним из круговой чары пил, на язык, сказывают, боек, до всякого проворства ловок, стало быть, лучшего гонца и не сыскать.

– *Оба-на!* – Голос Лиса на канале связи был полон тор-

жествующего энтузиазма. – *Вот так вот, командир! Пока ты «в каталке бледен, недвижим, страдая раной», я сейчас на раз, два, три дипломатическую карьеру сделаю. Так что, если оклемаешься, приходи, я тебя по старой дружбе швейцаром устрою.*

– *Да ну тебя,* – огрызнулся я. – *Ты еще никуда не поехал, и уж тем более не вернулся, увенчанный лаврами.*

– *Так это мы быстренько!* – Лис склонил голову перед Муромцем. – *Мудро баешь, Володимир свет Ильич. Как ты сказал, так я и сделаю. Попроюсь в княжий стан змеей неслышною, передам все от слова до слова. Соловьем разольюсь. Уговорю Олега Ярославовича не обнажать меча против войска нашего.*

– *Вот и славно. Как только передовые дадут знать, что дружина княжья супротив стоит, пойдешь туда послом.*

– *С превеликой радостью,* – вновь склонился в поклоне Лис.

Однако время шло, а передовые разъезды, посланные Муромцем в поиск, все не докладывали и не докладывали о появлении изборской дружины.

– *Не, ну это издевательство,* – возмущался Лис, денно и ночью вынашивающий в голове страстные монологи, предназначенные для ушей князя Олега. – *Мы на войне или куда? Он полководец или где? Шо он себе думает? Мы уже три дня в пути, а изборским духом даже и не пахнет!*

– Вот именно, что полководец, – лениво отозвался я, придерживая Мавра, рвавшегося перейти с шага на рысь. – Наверняка он выступил к Пскову и оттуда послал известие, что идет на нас. Силы у него невелики, но зато они будут свежими, да плюс за спиной мощная крепость. А наше войско порядком утомится в дороге, да к тому же пока оно все дотянется до Пскова, князь Олег успеет разгромить добрую его половину на марше.

– Ну, это еще бабушка надвое сказала.

Я пропустил его фразу мимо ушей. Уже вечерело, и пора было позаботиться о ночлеге. Сказать по правде, меня уже немного утомила необходимость ночевок под открытым небом среди березовых рощ, дубрав, сосновых боров и уж черт знает чего, произрастающего в этих краях повсеместно. Я с грустью вспоминал те времена, когда мне уже приходилось тащиться через всю Русь, точнее, Россию, направляясь в гости к Емельяну Пугачеву, а потом от него, ко двору Екатерины II. Но к тому времени дороги все же обросли постоянными дворами, селами, да и с городами было погуще, а здесь: леса, леса и снова леса, сколько охватывал взор.

Закончив пререкаться с Лисом, я послал трех всадников подыскать поляну, достаточно большую, чтобы вместить наш отряд. И когда последний луч солнца скрылся за лесом, мы стали лагерем на лесной опушке вблизи ручья, стремительно несшего свои воды к маячившей впереди реке. Направленные за дровами воины вернулись с охапками валеж-

ника, кашевары наполнили водой свои котлы, и вскоре стоянка приобрела вполне жилой и даже довольно уютный вид.

Спустя пару часов, когда каша была съедена и котлы вымыты, отзвучали песни Лиса и длинные истории о былых боях и странствиях, над лагерем повисла тишина, нарушаемая лишь богатырским храпом да фырканием лошадей.

Мы с Венедином сидели у костра, подбрасывая в огонь ветки и негромко переговариваясь.

– Скажи-ка, дядя, – тихо спросил Лис, – сколько, по твоим прикидкам, мы должны еще торчать на моей исторической родине, собирая ягоду-малину для институтского пирога?

– Все зависит от того, на какой уровень информации рассчитывает наше начальство. – Я пожал плечами, продвигая в глубь огня толстую ветку, уже изрядно обуглившуюся на конце. – Ты ж понимаешь, чем полнее будет наш доклад...

– Я понимаю, что для полноты доклада надо пристроиться к Муромцу летописцем. Прямо сказать, я к этому не готов. Уж извини, почерком не вышел. Если командованию нужна установочная информация, значит, сюда хотят посадить стационарного агента. Очень надеюсь, что не нас с тобой. Хотя если вы с присущей вам, милорд, упертостью соберетесь распутать все узлы местной политики, то наши шансы зависнуть здесь до окончания времен растут, шо цены на нефть. Поверь своему старому боевому товарищу: того, что мы уже нарыли, вполне хватит и на доклад, и на то, чтобы ответить на возникшие у начальства вопросы.

– Хорошо. Какие будут предложения?

– Шо я предлагаю? – Лис поднес к губам сухую лепешку, уснащенную тонкими кусками мяса, целый день просаливавшегося под седлом боевого коня. – Я предлагаю сворачивать наши научные изыскания, и как только Муромец укрепится – а я думаю, укрепится он очень скоро, – рвать когти в Хорезм. Наверняка он пошлет туда посольство, даром, что ли, Ганза в него деньги вкладывает.

Я приготовился было что-то ответить ему, но не успел.

– Э-э-э! Ты куда?! – завопил Лис, подскакивая, едва не споткнувшись о положенное у костра бревно. – Вальдар, скорее, он уходит!

Я развернулся на месте, пытаюсь разглядеть, что происходит. Один из моих кнехтов, в оцепенении опустив руки и уронив копье на траву, сомнамбулически передвигая ногами, уходил в лесную чащу.

– А ну стой! – заорал что есть мочи Лис и вдруг осекся. – Вальдар, еще один!

Я перевел глаза туда, где дотоле стоял наш второй часовой. Руки, словно плети, висели у него вдоль туловища, сброшенный с плеча высокий варяжский щит лежал поодаль, копье волочилось вслед за ним по земле. Бравый вояка брел вперед, не разбирая дороги, не обращая внимания на ветки деревьев, хлещущие по лицу, узловатые корневища, прячущиеся в густой траве, да и на сами деревья, преграждавшие ему путь. Он брел, не видя ничего, не слыша окрика,

все дальше и дальше в глушь леса.

Вот пальцы его разжались, и он выронил копье. Звук этот, почти неслышимый в обычное время, колоколом прозвучал для меня сейчас, выводя из тяжкого оцепенения. Я увидел, как Лис длинными прыжками нагнал первого часового и, ухватив его за плащ, повалил на землю. Воин не сопротивлялся, он лишь пытался встать, снедаемый, казалось, единым желанием продолжать свой безмолвный путь в лесную чащу.

Разбуженные Лисовскими криками, к нам на помощь бежали венецианские лучники из ближних шатров и пара моих кнехтов от конского выгона. Я бросился вслед второму часовому, крича что-то очень громкое и понимая, что это бесполезно. Догнать несчастного стражника не составило труда. Я знал его уже более полугода. За это время храбрый и сильный дан, с улыбкой ходивший в атаку и проливающий слезы лишь над тяжкими судьбами героев Лисовских баллад, ни разу не подвел меня. Теперь же могучий воин смотрел абсолютно пустыми глазами и, едва трепыхаясь, словно ватная кукла на ветру, пытался вырваться из державших его рук.

Подбежавшие кнехты живо скрутили беднягу длинными кожаными ремешками, приготовленными для ожидаемого полона. Он не сопротивлялся, не размыкал уст, чтоб сказать хоть слово, лишь смотрел немигающим взглядом в сторону леса, пытаясь если не идти, то хоть ползти все дальше от костров стоянки.

– Какого лешего! – орал Лис, не жалея луженой глотки. – Что здесь творится?! Эй! – Тяжелой, как дубовая доска, ладонью он начал охаживать кнехта по щекам. Голова несчастного болталась из стороны в сторону, как привязанная, но он словно не чувствовал этого.

– Не зови лесовика, Венедин, – донесся из-за спины негромкий, но оч-чень уверенный голос.

– А ты кто такой?! – подскочил Лис, хватаясь за рукояти своих коротких мечей, закрепленных у пояса и за спиной.

– Яросвет Вещий, волхв. Не зови лесовика, с ним тут легче не станет.

– А ну, блин, почему оставили посты! Шляется по лагерю кто ни попадая! – Моему другу нужно было срочно спустить пар. Не желая связываться с невесть откуда взявшимся магом, он обрушил гнев на нарушителей устава караульной службы.

– Это Лихомань Болотная, – наклоняясь к ближайшему из связанных стражей и проводя руками у него перед глазами, пояснил ведун. – Все, нет больше человека. Выела разум.

– Что еще за лихомань? – насторожился я, внимательно оглядывая долговязую седобородую фигуру чародея, укутанную в черный с багряным подбоем плащ. Мне уже доводилось видеть его в Новгороде на площади перед схваткой с медведем. Похоже, и он запомнил меня.

– Вестфольдинг? – произнес маг тоном скорее утвердительным, чем вопросительным. Я кивнул, и он, словно ставя

для себя крест на этой теме, продолжил: – Лихомань Болотная взору людскому невидима, твари живой неведома. Ни на княжьем пиру, ни в девичьей никто не похвалится, что Лихомань Болотную слыхивал да живым ушел. Крадется ее шепот ночью тихую от воды стоячей, от трясины глубокой. Ехидной¹³ злой в уши влезает, сердце холодит и глаз морочит. Кого уж она схватит, никогда домой не вернется: потонуть ему в воде стылой, помереть под замшелюю корягой.

От этих слов, произнесенных нараспев, у меня пополз мороз по коже, да и взбудораженный произошедшим Лис притих, слушая речь старца. Окружившие нас ратники и вовсе отступили назад, опасаясь быть свидетелями ведовских таинств.

Закончив негромкую речь, маг поднял руки вверх, воздел очи к звездному небу и что-то быстро запричитал, очевидно, прося у Создателя силы для свершения задуманного. Причитания все ускорялись и ускорялись. Вдруг седобородый старец сорвался с места и начал крутиться волчком, едва не взлетая, поднятый ветром от собственного развевающегося плаща. Вращение прекратилось так же внезапно, как и началось. Ведун остановился. На лице его было то же каменное выражение, с каким созерцал он нас на новгородской площади. Колдун молча поднял свои сухие пальцы, и мы увидели, как между ними проскочила маленькая золотисто-голубоватая молния. Затем он вновь развел руки и со-

¹³ Ехидна – в Древней Руси так называли змею.

единил их на голове одного из стражников. Раздался треск, тело бедолаги дернулось, и глаза, до того пустые, как пересохшие колодцы, подернулись туманной пеленой.

– Электрошок, – ошеломленно констатировал Лис.

Маг остановился, прислушиваясь.

– Нет, не поможет ему слово царьгородское, – покачал он головой немного погодя. – Не спасут его теперь заклинания. Не быть ему отныне человеком среди людей. Но на душе его покой немятежный. Вот все, чем я ему помочь могу. А вы, – произнес он, повторив свою операцию со вторым нашим товарищем, – велите стражам колотить копьями о щиты, гусельникам да песельникам велите не смыкать глаз до рассвета, а все бряцать по струнам да песни петь. Только в тишине шепот лихотанный слышен. Прощайте, добры молодцы, – тяжело вздохнув, молвил кудесник. – Да не коснутся вас навьи чары. А я по войску разнесу весть недобрую.

Мы собрались было что-то сказать, но лишь сомкнулись уста чародея, как в тот же миг он исчез, и только огромный бровастый филин, захлопав крыльями, ухнул в ночи, пронось над нами.

Через пару дней и практически бессонных ночей примчавшийся на взмыленной лошади вестовой потребовал Лиса Венедина немедля прибыть к Володимиру Ильичу.

– Ну вот и сыскался пропащий князь, – усмехнулся Лис,

натягивая поверх зеленого лесного блио¹⁴ проклепанную стальными пластинами кожаную куртку-бригандину.

– Ладно, не хорохорься, – перебил я его. – На этот раз ты не в гости едешь.

– Ну, это завтра выяснится. – Лис вскочил в седло.

То, что мой верный товарищ не сопровождал отъезд своими вечными прибаутками, могло означать лишь одно: он и сам изрядно волновался.

Вестей от него не было несколько часов. Потом внезапно, слово гром среди ясного неба, заработала связь.

– *Капитан, внимание!* – Голос Лиса был напряжен, от привычной насмешливости не осталось и следа. Судя по картинке, он стоял на берегу лесной речушки, вернее, у брода через нее. – *Смотри.* – Венедин указал пальцем на разбитый коваными копытами выход из воды. – *Здесь недавно прошли всадники, причем, судя по глубине следа, достаточно тяжелые, скорее всего в броне.*

– *Думаешь, засада?*

– *Нет, цыганский хор в доспехах. В общем, так, князь Олег чуток подождет, а я, пожалуй, пройдуь по следу да посмотрю, что там за каравай для нас изборцы приготовили.*

– *Что еще за каравай?* – не совсем понимая, о чем речь, спросил я.

– *С солью. Не перебивай! Я постараюсь пройти тихо. Взгляну и обратно. А ты ступай к Муромцу и сообщки, что*

¹⁴ Блио – род облегающей верхней одежды.

у тебя было видение, будто нас ждет засада. Ну, сам придумаешь, не мне тебя учить. Ладно, понеслась душа в рай!

Лис редко ошибался, когда речь заходила о засадах. Не ударил он в грязь лицом и на этот раз. Роща, в которой скрывался засадный отряд, господствовала над дорогой, располагаясь на пологом склоне холма, заставлявшего псковский тракт в этом месте поворачивать круто влево. Ударь отсюда сильный полк, и голова колонны неминуемо смешалась бы, а теснимая сзади все подходящими и подходящими дружинами, и вовсе могла бы посеять панику в нашем войске.

– Полторы сотни копий, – сообщил Лис. – Причем, судя по вооружению, не конные гридни, а витязи. Это от трети до половины всей княжеской дружины. Не считая, понятное дело, воев, городовое ополчение и посошную рать. А если где-нибудь поблизости еще лучники схоронились, здесь такая кака с маком будет, обхохочешься.

Насчет лучников Лис оказался прав. Едва успел он передать свои «путевые заметки», как толстая стрела в локоть длиной, вжикнув, воткнулась в ствол дуба, за которым хоронился мой напарник. Отлетевший кусок коры шелкнул Лиса по носу, возвращая от созерцательности к суровым будням.

– Ну, это слишком! – Венедин, склонившись к самой холке своего гнедого, хлестнул коня плетью. – Н-но, выноси, родной!

Еще пара стрел просвистела над головой сотрудника Института, а одна даже ударила в куртку, и, возможно, пробила

бы ее, будь на месте пластин из высокоуглеродистой стали обычное в этих местах железо.

– Засада! – заорал Лис во все горло, пуская коня вниз по склону. – Впереди засада!

Несколько всадников помчались ему вслед, желая настигнуть и схватить лазутчика, пытающегося сорвать их тайный замысел.

– А-да! А-да! – равнодушно вторило Лисовскому крику эхо.

– Вперед! – Я пришпорил Мавра, спеша предупредить нашего полководца о поджидающем впереди сюрпризе. – Вперед! – Мне нужно было мчаться, лететь стрелой, пытаюсь хоть как-то помочь моему другу, ибо хотя я знал, что тяжело груженному аргмаку не догнать Лисовского андалузского жеребца-трехлетку, спокойствия мне это не прибавляло. – Вперед! – погонял я Мавра. – Володимир Ильич, впереди засада!

Глава 5

Незачем выбирать из двух зол. Любая из них годится для изготовления пороха.

Монах Бертольд Шварц

Стяг изборского князя развевался над строем дружины, укрывшейся за тройным рядом заточенных кольев. По всему было видно, что сражение развивается совсем не так, как предполагал противник. Вначале, когда посланная сбить засаду дружина князя Святополка Туровского ударила в копья и, не встретив сопротивления, погнала перед собой изборских витязей, казалось, что враг ошеломлен и даже обращен в беспорядочное бегство. Но видимость была обманчива.

Стоило всадникам засадного полка галопом вылететь из лесу на открытое пространство, как за ними сомкнулись острые рогатки, заранее подготовленные пешей ратью, а с флангов по туровской дружине ударил сам князь Олег с отборным войском. Кто знает, как бы сложилась судьба наших товарищей, не приди им на помощь витязи стольного Киева и повольничья рать славного богатыря Чурилы.

Изборцы, почуявшие было успех, откатились за засеку, готовясь обороняться до последнего, а наши войска все прибывали и прибывали. Я, зная, сколько еще пешей рати следует за передовыми отрядами, отлично понимал, что процесс

подхода подкреплений может затянуться надолго.

– Полдень сегодня будет жарким. – Благополучно вернувшийся из «дипломатического вояжа» Лис наметанным взглядом лучника окидывал поле предстоящего боя. – Как думаешь?

Я пожал плечами:

– Дальнейшее стояние играет против избороцев. Перевес у нас едва ли не десятикратный. Пехоте здесь уже не хватает места, еще чуть-чуть, и они волей-неволей начнут охватывать князя Олега с флангов. Это не европейская пехота – вооруженный сброд. Эти знают, что и как следует делать. Я бы на месте князя Олега поспешил отойти к Пскову, пока его не отрезали от крепости. Но в любом случае первый раунд остался за ним.

– Капитан, на этот счет меня терзают смутные сомнения. Ежели у псковитян не случится острого приступа потери памяти, боюсь, вышеупомянутого князя ожидает глобальное разочарование в верности своих подданных.

– Ты думаешь, они спят и видят жить под Новгородом?

Этому вопросу суждено было остаться без ответа. По сомкнутым шеренгам избороцев пробежало какое-то волнение, и спустя мгновение несколько гридней выбежали из строя и принялись раздвигать рогатки, освобождая проход.

– Ну вот, кажется, и дождались, – пробормотал Лис, доставая из сумочки у пояса свечной огарок и что-то невразумительно шепча себе под нос, начиная воцить тетиву лука.

– Здесь что-то не так, – покачал головой я. – Вряд ли они собираются атаковать в колонну по три.

Действительно, расстояние между кольями позволяло проехать не более чем троим всадникам, и то, держась довольно плотно друг к другу.

Рать противника расступилась, из глубины строя на мощном караковом жеребце выехал вперед статный витязь в алом, шитом золотом плаще. Солнечные зайчики играли на его начищенном до блеска зеркале и, даже не следуя за ним знаменщик с княжьей хоругвью, можно было бы с уверенностью говорить, что перед нами сам Олег Ярославович Изборский.

– Что он делает? – негромко проговорил Лис, нервно пощипывая оперение бронебойной стрелы в висевшем за спиной колчане. – На такой дистанции его не то что мои мальчишки, его местные ушкуйники из своих самопалов снимут!

Честно говоря, я не видел особой разницы в том, в чью недалекую голову могла сейчас прийти идея пустить стрелу в медленно едущего князя. В одном Лис был прав: и сам владыка здешних земель, и сопровождавший его ближний боярин, и четверо телохранителей, следовавших за своим повелителем, были прекрасными мишенями для самого посредственного стрелка. Но князь Олег подъезжал все ближе и ближе к середине поля, и ни одна рука в нашем войске не поднялась пустить стрелу в отважного изборца.

– Похоже, он решил вести переговоры, – предположил я.

Караковый скакун князя остановился, и тот неспешно, словно в замедленной съемке, начал обнажать свой меч. По рядам нашего войска прокатился угрожающий гул, и лязг железа подтвердил, что очарование храбростью противника сменилось полной готовностью к бою. Но Олег Изборский не обращал на это, казалось, никакого внимания. Он перехватил меч поперек клинка и поднял его над головой.

– Все же будут переговоры, – произнес я, словно выигрывая у себя беззвучный спор.

– Лиса Венедина к Муромцу! – прибойной волной пролетел от гридня к гридню тихий шепот. – С отрядом.

– Вот так вот, – усмехнулся Лис, – не может без меня Муромец принимать такие ответственные решения. Тут вам не «Ура! В атаку!», тут тонкая дипломатия нужна.

– Иди-иди. И военных атташе своих не забудь прихватить! – напутствовал я его.

– Атташи, как атташи, – возмущенно отозвался Лис. – Не нравится – не кушай! – В любом споре последнее слово должно было остаться за ним.

– *Явились по твоему зову, батюшка свет Володимир Ильич!* – спустя несколько минут послышалось на канале закрытой связи. – *Что прикажешь?*

– *Верно ли мне сказывали, Венедин, что изряднее тебя и твоих стрелков ни по ту, ни по эту сторону Варяжского моря неведомо?*

– *Бают люди,* – скромно потупился мой напарник. – *А я*

слыхивал, за морем есть такой славный лучник Робин Гуд, вот с ним еще состязаться не довелось.

– Полно, не до того сейчас. Скажи лучше, в князя и людей его отсель попасть сумеешь?

– Дак!.. – Лис задохнулся от возмущения. – В любое колечко на кольчуге! В любую заклепку на шлеме!

– Вот и славно. Сейчас с князем говорить поедем, так ты отряд свой выставь, чтоб и он его видел, да вели всем изготовиться. Коли замыслят недоброе, пусть враз всех на землю положат. Но только чтоб живыми!

Всадники съезжались в недоброй тишине, меряя друг друга отнюдь не радостными взорами. Казалось, было слышно, как сотрясают землю огромные копыта богатырского коня под Муромцем, рядом с которым Лис на своем скакуне выглядел почти как карликовый Дон Кихот рядом с гигантским Санчо Пансой.

– Здрав будь, боярин Володимир, – услышал я резкий голос изборского князя. – Али новгородцы тебе уже и княжью шапку поднесли?

Сейчас мне впервые удалось увидеть его совсем близко, и я поразился тому, насколько он молод. Даже принимая в расчет суровые испытания, выпавшие на его долю, ему нельзя было дать более двадцати пяти лет. Но чувствующаяся во всем его облике, посадке, манере держаться сила заставляла предполагать, что перед нами противник отнюдь не из про-

СТЫХ.

– И тебе по здраве, честный княже, – колоколом прогудел Муромец. – Насчет княжьей шапки было дело, подносили. Да ни к чему она мне. Не новгородские терема да лабазы пришел я защищать, а Русь Великую.

Я увидел, как удивленно расширились глаза изборца. Словно чувствуя потрясение хозяина, лаком отливающий карачовый жеребец под ним заиграл, роя копытом землю.

– Правду ли баешь, Володимир свет Ильич? – срываясь на полуслове, с неожиданным волнением в голосе произнес Олег Ярославович. – Стало быть, не для новгородской земли прибытку ищешь?

– Мое слово Бог слышал, – звучно отчеканил богатырь.

– Стало быть, есть на свете промысел Господний, – тихо произнес князь, словно все еще боясь верить услышанному. – Послушай меня, боярин-воевода, перед Господом тебе говорю: злая кручина у меня приключилась. Покуда я с тобой на сечу вышел, ливонские псы на Изборск нагрянули. Посад на копье взяли. Княгинюшка с малою дружиною в детинце заперлась, да долго им не выстоять. Вот тебе случай постоять за землю русскую. Коли пойдешь со мной в этот час, и я с тобой пойду, куда поведешь. Не изменой злой, ни кривдой слова своего не порушу, рядом буду, пока сам не прогонишь. На том тебе присягаю. А нет, разъедемся, и дай мне помереть на этом поле с честью. Ибо жить мне боле незачем.

– *С тобой идем, князь!* – громом раскатным рывкнул Муромец. – *Вместе ливонца бить будем.*

Признаться, я был рад, что кровавой сечи удалось избежать. Да и, пожалуй, во всей нашей армии не много бы нашлось людей, недовольных подобным исходом дела. Разве что молодой туровский князь, изрядно потрепанный в утренней стычке, волком зыркал на изборского владыку, жаждая мести. Но приказ был ясен и обсуждению не подлежал. Армия перестраивалась, готовясь выступить в сторону крепости, которую еще несколько часов назад собиралась отобрать у того, под чьим знаменем сейчас шла.

Пользуясь общим движением, я направил Мавра к Муромцу, подле которого все еще находился Лис. Расположившись на поросшем березняком пригорке, где еще недавно хоронился засадный полк изборчан, военачальники наблюдали, как становятся в походную колонну все новые и новые хоругви.

– Это ж, почитай, сколько здесь будет? – внимательно созерцая представившуюся взору батальную картину, присвистнул Олег Изборский.

– С твоими-то, княже? – отозвался Муромец. – Пожалуй, за две тыщи витязей, да гридней тысяч десять, да воев без счета.

– Великая сила, – негромко произнес князь Олег. – В крепких да умелых руках – мощь несокрушимая.

Я увидел, как недобро глянул на собрата убеленный ранними сединами великий киевский князь. Глянул, но промолчал. Или, может, мне только почудился этот взгляд?

– Подъезжай сюда, Володар Ингварович! – завидев меня, неожиданно радостно крикнул Муромец. – Ну что, отошли мишкины объятия?

Я почтительно склонил голову, подъезжая ближе.

– Я вполне готов к бою, ваша честь!

– Да ты эти церемонии брось, – махнул рукой Володимир Ильич. – У нас на Руси то не в заводе. У нас витязи все ровня. И не титулами, а лишь славой промеж собой меряются.

– Верно! – радостно поддержал его неожиданно воспрянувший Святополк Туровский.

– Хорошо сказано, – подтвердил изборский князь.

Только Мстислав Киевский промолчал, внимательным взглядом провожая проходящие мимо полки.

– Княже, – к Олегу Изборскому подъехал один из давешних телохранителей, – Ефимка очухался. Велите привести?

– Зови немедля! – прикрикнул на него князь, очевидно, уже давно ожидавший этого известия.

Телохранитель не заставил повторять приказ дважды. Приведенный, высокий стройный юноша лет семнадцати с лицом тонким, почти девичьим, был одет по-походному и покрыт дорожной пылью с головы до ног. По всему было видно, что перед тем, как предстать пред грозные очи князя, он проскакал не один десяток верст.

– Ну, выюнош, – быстро кинул ему князь Олег, – говори скорее, как дело было?

Юноша обвел глазами собравшихся на пригорке князей и бояр и начал не совсем уверенно, видимо, смущенный многочисленностью и знатностью слушателей:

– Я Ефимий из Ольшаницы, сын, княже, вашего сотского Сергия...

– Говори, как дело было.

– Вчера в день ливонцы, сбив заставу в Ольшанице, с налета взяли изборский посад и теперь в силе великой стоят под стенами детинца.

– В каком числе вороги? – кратко спросил князь Олег.

– До трех сотен рыцарей, да кнехтов с ними четверо к одному. Во главе, видать, сам магистр орденский, Конрад фон Вегденбург.

– Сколько в детинце держится?

– Витязей двадцать, гридней до полуста и так народу оружного сотни с полторы наберется.

– Мало сил, – вздохнул Муромец.

– Даст Бог, выстоят, – хмуро ответил Олег. – Там боярин Александр, он старый вояка.

– Ранен воевода, – негромко произнес Ефимий. – Как ливонцы поперли, он со своей долгой палицей в воротах стал, так от усердия великого палица сломалась. Насилу сам уцелел, едва живого уволокли.

– Плохо, – сквозь зубы бросил князь Изборский. – А ты-

то как выбрался?

– Княгиня меня подземным ходом выпустила тебе сообщить. Я у витязей собрал роги гулкие да в ближнем лесу начал трубить, как будто подмога идет. Ливонцы как то услышали, бросились к посадским стенам, ожидая приступа. А тут как раз на звук пяток наших из Ольшаниц подошли. Я им роги передал, велел ливонцев до утра тревожить, а сам к вам поскакал с известием.

– Сам хитрость удумал али кто подсказал?

– Сам, светлый княже.

– Дельно. Что ж, отрок, коли ты такой головатый да хоробрый, при мне состоять будешь. Коня и доспех отважному! А это, – князь снял с шеи драгоценную гривну чеканного золота, – носи в память о подвиге своем.

– Славный витязь будет, – одобрительно глядя на молодого воина, улыбнулся Муромец. – Береги его, князь Олег.

Вскоре объединенные войска уже маршировали мимо стен Пскова в сторону княжьего града.

– Признаться, я рад, что все так закончилось, – произнес я, обращаясь к едущему рядом Лису.

– Да я в общем-то тоже, – вздохнул мой напарник. – Вот только закончилось ли?

Мои брови удивленно поползли вверх.

– Что ты имеешь в виду?

– Знаешь, пока все эти политические терки шли, я бычил-

ся на князя, и шо я тебе скажу: у этого мужика здорово пекло под портками.

– Ты хочешь сказать, что он испугался?

– Упаси Бог! Просто ему стало резко не до Муромца, не до Новгорода и даже, по-моему, не до Изборска. Его конкретно интересовала сидящая сейчас в осаде жена и, похоже, ничего более.

– Полагаешь, это хитрость?

– Не все так просто, – отозвался Лис. – Говорил-то он от души, да вот что он через неделю скажет? Дело-то на Руси небывалое: под рукой у боярина из корня крестьянского два Рюриковича и один Труворич. Не слабый расклад, правда?

Я пожал плечами:

– Сколько основателей династий начинали с худшего.

Мне хотелось еще что-то добавить, упомянуть викингов, легко менявших весла на скипетры, но тут мое внимание привлек раскидистый дуб, росший в полуполете стрелы от Псковских ворот. На толстых его ветвях болтались три мертвых тела, и еще две петли, жутко посматривая своими пустыми глазами, с явным нетерпением ожидали приготовленных для них жертв. Несчастные, судя по дорогой одежде, из городской старшины, стояли подле дуба в окружении дружинников, шепча слова последних молитв.

– Что бы это могло быть? – Я указал Лису на творимую поодаль расправу.

– Это? – Венедин поднял руку, указывая нагайкой на ору-

дия казни. – Назидание псковитянам. Покуда их природный князь геройствовал в поле, горожане решили поднести Муромцу ключи от города. Ну, Муромца они не застали, он как раз с их князем на толковище был, зато попали к Святополку Туровскому. Он их по окончании переговоров доставил к Ильичу. Но у него, как водится, с ходоками разговор короткий: как услышал, что именитые граждане псковские город князю новгородскому отдать хотят, так и повелел выдать изменников Олегу. А тот, сам видишь, решил поднять их патриотизм на недостижимую высоту. А ты что думал, в сказку попал?

Расстояние, которое хороший наездник преодолевает часа за три, армия, обремененная обозами и многочисленной пехотой, делает за время дневного марша. Горящий нетерпением князь Олег, оставив пешую рать на попечение новоювленного друга и союзника, во главе старшей дружины спешил к родным пенатам, намереваясь сковать боем негаданных гостей.

– Позволь и мне, княже, идти в бой. Я и побратим мой, Лис Венедин, магистру ливонскому по прошлому году лично ведомы. Мы с ним под знаменами графа Шверинского вместе в Эстляндии воевали. Ежели мы над изборским детинцем свои баньеры развернем, глядишь, Конрад и решит, что госпоже Бригитте от сестры подмога пришла.

– Да как же так быстро-то? – удивился Олег, прикидывая

в уме расстояние от Шверина до Изборска.

– Так ведь и магистр, чай, не по небу летел. А слухом, как известно, земля полнится. Тут не важно как, важно, что поспели.

– Хорошо. – Губы Олега Изборского сложились в жесткую недобрую ухмылку. – Так, стало быть, и положим. Ты в детинец пойдешь, а я собак ливонских с палисада подопру. До утра не выпущу, а там и остальное войско подоспеет. Каково, Володимир Ильич? – Князь повернулся к ехавшему рядом Муромцу, вспоминая, что отныне он не совсем волен в своих решениях.

– Умно, – согласно кивнул тот. – Ступайте с Богом!

– И мне позволь, – раздался сбоку из-за спины странно знакомый голос. – Я Ропша Хват, ватажник повольничий. Мне эти места, что своя ладонь, знакомы. Так что ежели только пожелаете, отсюда до самого Изборска лесом короткой дорогой проведу. В треть путь срежем.

– Ступай, Ропша. Да людей своих возьми, – приказал Муромец. – Все подмога крепче будет.

Князь Изборский покосился на повольника, явно не горя желанием открывать ему секрет потаенного хода, но, помолчав с минуту, согласно кивнул:

– Ступайте. Ефимий вас к лазу проведет. А ежели что, с вестью его ко мне пошлите. Он малый ловкий.

Трубы под Изборском не прекращали гудеть всю ночь и

нынче весь день. Вначале ливонцы бурно реагировали на них, откатываясь от цитадели детинца и занимая места на стенах посада. Потом, уразумев, что их попросту дурачат, перестали обращать внимание, выслав полсотни кнехтов, чтобы утихомирить невесть откуда взявшийся духовой оркестр. Однако кнехты не вернулись. К тому моменту, когда наш отряд подошел к городу, в его окрестностях собралось до трех сотен посошной рати и воев с окрестных застав. Прихватив с собой тех, у кого были луки, самострелы и пращи, я оставил остальных дожидаться подхода князя и стеречь коней, и поспешил подземным ходом в осажденную башню.

Надо ли говорить, как изумилась и обрадовалась Бригитта, или, как называли ее здесь, Богуслава, увидев среди пришедших на помощь воинов Лиса Венедина.

– Фрау Бригитта, – склонился в поклоне он.

– О Господи! – всплеснула руками младшая дочь графа Мекленбургского, готовясь, кажется, расплакаться от нахлынувших чувств. – Как вы здесь, откуда?

– В данный момент из подземного хода...

– Ливонцы опять идут на приступ! – крикнул кто-то с верхней боевой галереи.

– Прошу прощения, сударыня, – осекся Лис. – Ребята, за работу! Золотой каждому, кто попадет в глазную прорезь рыцарского шлема! По серебряному за каждого кнехта.

– А арбалетчики? – кинул кто-то из столпившегося вокруг отца-командира венедских лучников.

– Хорошо-хорошо, торг здесь неуместен. За каждого арбалетчика плачу отдельно.

Я смотрел на княгиню и понимал, отчего так нервничал князь Олег. Я не большой специалист в этом деле, но, по моим наблюдениям, княгиня должна была родить от силы через месяц.

План ливонцев был ясен. Узнав от соглядатаев о положении фрау Бригитты и о том, что князь Олег собирается выступить против усиливающегося Новгорода, ливонцы решили нагряться как раз в тот момент, когда изборская рать схлестнется в сече с новгородской. Кто уж там победит – не важно, а вот вернется князь домой или же нет – вопрос открытый. Но даже если вернется, дружина его будет изрядно ослаблена, а в руках ливонских ревнителей слова Божьего окажется и Изборск, и жена князя с будущим наследником или наследницей престола.

Удобная позиция, с которой можно диктовать условия. Если же вдруг Новгород не станет воевать против Олега, а ограничится одной лишь демонстрацией силы, князь будет вынужден пятиться, опасаясь за тыл. Ливонцы в это время успеют уйти в свои земли, уводя в полон княгиню Богуславу. А там наследника можно воспитать в нужном духе, наследницу выдать замуж, как следует, и, глядишь, прощай гордое изборское княжество, здравствуй, земля новгородская.

– Капитан! – прикрикнул Лис. – Ну, ты идешь или куда?
– Иду, – кивнул я, резко выходя из состояния задумчиво-

сти. – Значит, так: сейчас разворачиваем баньеры, пусть Вегденбург на них полюбуется. Позаботься о том, чтобы твои ребята отбили у ливонцев охоту чересчур усердствовать, а дальше я, пожалуй, сделаю вылазку. Пусть им окончательно тошно станет.

– Рискованно, – вздохнул Лис.

– Понятное дело, рискованно. Но ты же меня поддержишь?

– Я-то поддержу, начальство не поддержит. Так что не забудь потом упомянуть в докладе, как геройски прорубился к великому магистру Ливонского ордена единственно с целью взять у него интервью и узнать мнение по поводу состоявшейся в Новгороде тусовки.

– Лис!

– А что Лис, что Лис?! Я уже ушел!

* * *

Работа на боевой галерее кипела вовсю. Насколько можно было судить, многие лучники за последние минуты заработали уже куда больше годового содержания и продолжали класть золотые и серебряные монеты на свой банковский счет. По мере сил с ними состязались местные стрелки, также нанося заметный урон атакующим, хотя и с меньшей виртуозностью, чем знаменитые венецианские гвардейцы.

– Похоже, они попятнулись. – Я указал рукой на изрядно

поредевший строй кнехтов, пытающийся укрыться за щитами от губительных стрел, летящих с башни. – Во всяком случае, запал у них уже пропал.

– Запал – пропал! Да ты у нас стихотворец, – не в тему продекламировал Лис.

– Потом! Смотри, видишь во-он ту группу всадников? Если я не ошибаюсь, там сам магистр. Можешь ссадить их с коней?

– Запросто! – гордо заявил Лис, слюнявя палец и поднимая его вверх, чтобы лучше почувствовать ветер. – На коней заявки не было, поэтому, так и быть, займусь сам.

Я хотел еще что-то сказать, но вдруг чье-то массивное тело рухнуло на меня, сбив с ног.

– О черт! – Хозяин тела стремительно вскочил на ноги, подбирая выпавший самострел. – Вот же сучий сын! – Он развернулся к бойнице, возле которой стоял я, и выпустил вниз стрелу. Высунувший было голову из-за высокого щита арбалетчик рухнул наземь, закрывая руками лицо.

– Ропша, ты ранен? – крикнул один из изборцев.

Арбалетный болт, пробив висевший за спиной повольничьего ватажника щит и кольчугу, торчал у него в плече.

– Пустое! – яростно сверкая глазами, процедил Хват. – До тела не достал.

Он вновь заложил стрелу в самострел. Я мысленно представил себе траекторию полета торчавшего в плече моего товарища болта и с необычайной ясностью понял, что, не ока-

жись Ропша на его пути, эта зловредная деревяшка вошла бы мне куда-нибудь между височной впадиной и носом.

– Спасибо тебе, дружище! – кинул я, хватаясь за древко, пробившее щит моего спасителя.

– Пустое! – еще раз крикнул он, поворачивая ко мне искаженное лютой яростью лицо. – Даст Бог, еще сочтемся.

Со стороны леса вновь раздались гулкие звуки рога.

– Я же приказал не трубить! – нахмурился я.

– Это не наши, – прислушавшись, покачал головой Ефимий из Олышаницы, стоявший рядом с луком в руках. – Это князь Олег с дружиной.

Рога трубили под Изборском и в эту ночь, а утром перед глазами ливонцев предстало многотысячное воинство земли русской, пришедшее навести порядок в своих пределах. Такого поворота событий седой волк Конрад фон Вегденбург никак не ожидал. И, видимо, именно поэтому парламентар, приближавшийся к башне детинца, ступал медленно, словно втайне надеясь, что страшное марево развеется и под стенами Изборска не будет великой армии, ждущей у выбитых ворот посадка заветного сигнала, чтобы положить в сыру землю потрепанную шайку «слуг Господних». Но марево не исчезало. Дойдя наконец до башни, парламентар с неохотой постучал в ворота и развел руки, демонстрируя изготовившимся за стенами защитникам, что он безоружен.

– Что надо? – донеслось до него из зарешеченного окош-

ка, открывшегося в воротной калитке.

– Мой господин, великий магистр Ливонского рыцарского ордена, Конрад фон Вегденбург, желает знать...

– Где сидит фазан, – прокомментировал услышанное стоявший рядом со мной Лис.

– ...Верно ли, что в замке находятся шверинские рыцари Вальтер фон Ингваринген и Лис фон Венедин?

– Ну, дык!.. – Лис поправил несуществующую бабочку под подбородком. – Ясный пень! – С ролью «рыцаря фон Венедина» мой друг справлялся, прямо скажем, слабовато.

– Я, Вальтер фон Ингваринген, слушаю тебя, – как можно грознее рявкнул я из-за ворот.

Удовлетворенный этим ответом парламентар склонил голову и продолжил далее:

– Мой господин, благородный магистр фон Вегденбург, желал бы вступить в переговоры с посланцами графа Шверинского, с которым у нас, как вам достоверно известно, уже который год союз, по поводу заключения почетного мира и оставления под гарантию нашей безопасности Изборска на выгодных для вас условиях.

Мы с Лисом переглянулись.

– А шо, – Лис толкнул меня локтем в бок, – мне Шверинский еще за последний месяц денег торчит.

– Ладно, – махнул рукой я, – поиграем. Я, Вальтер фон Ингваринген, говорю вам, что пришел сюда как союзник князя Изборского, а также воеводы новгородского и всех тех,

кто с ним, как-то: князь Киевский, князь Туровский и прочие. И ни о каких переговорах без участия оных не может быть и речи.

Посланец в скорбном молчании выслушал эту весть и произнес, выдавливая из себя каждое последующее слово:

– В таком случае великий магистр Конрад фон Вегденбург уполномочил меня заявить, что он и все, кто стоит под его рукой, согласно традициям рыцарства, желают сдаться вам и просят принять их под свою защиту. А также назвать сумму и условия выкупа.

Глава 6

Измотав противника беспорядочным бегством, окончательно деморализуем его безоговорочной капитуляцией.

Полное собрание секретных директив Генштаба. Том 3, стр. 29

Мы ехали мимо неприступных стен Изборска, с интересом наблюдая изменения, случившиеся в местном ландшафте за прошедшую ночь. То есть нет, с ландшафтом все было в порядке, лес не стронулся с места, и высокий холм, на котором возвышался Изборский кремль, не провалился под землю, но теперь его окрестности украшало множество ям в пояс глубиной, возле которых аккуратно лежали длинные, остро отточенные колья. Можно было бы подумать, что, готовясь к осаде крепости, наши войска решили обезопасить свои позиции несколькими рядами волчьих ям, но в одном месте эти колья уже были использованы, не оставляя ни малейшего сомнения в их назначении.

Пятьдесят кнехтов послал Конрад фон Вегденбург расправиться с лесными трубочами. Большая их часть нашла конец среди чащобных буреломов и болотных трясин. Те же, кто выжил, красовались теперь на кольях, наводя ужас на ливонцев. Это было то, что видели с утра они и не видели мы. То, что подвигло великого магистра сдаться, ища спасения

от страшной участи.

– Ну, каковы мошенники! – возмущался скачущий рядом Лис. – Блин, обвели, шо бублик дырку! Теперь, значит, нам разбираться с князем Олегом, а они, мать их за ногу, в плену по рыцарским традициям. Чик-трак, я в домике.

Я ехал молча, вспоминая знакомство с фон Вегденбургом. Тогда я еще только начинал свое восхождение к ступеням трона графа Шверинского, доказывая мечом, что лучшей кандидатуры на должность начальника охраны ее сиятельства не может и быть. Граф Генрих все никак не мог прийти к этой мысли, а потому безо всякого зазрения совести посылал меня в самые глухие углы, где его недреманное око находило политическую выгоду Шверина. На это раз его указующий перст направил меня в сырую, как тюремный каземат, Эстляндию на помощь завязшему в распрях с местным населением Ливонскому ордену.

Здесь все было понятно. Поскольку император всячески поддерживал тевтонских рыцарей, граф Шверинский, глава Лиги северных баронов, всецело помогал их ливонским собратьям. Породнившись с мекленбургской династией, смешавший в своих жилах кровь великого Генриха Льва и ободритских князей, он имел весьма широкие виды как на баварское наследство супруги, так и на славянские земли балтийского побережья. Впрочем, земли, населенные не славянами, его интересовали не менее, поэтому Вальдар Ингварсен, или, как называли меня на немецкий манер, Вальтер фон Ингва-

ринген, с десятком рыцарей и двумя сотнями кнехтов в один прекрасный день высадился в Ревельском порту, чтобы выполнить интернациональный долг перед союзной Ливонией.

Надо сказать, высадились мы весьма своевременно, ибо оказались единственной боеспособной частью в руках магистра и сразу были брошены в бой. Именно в этот день в Ревель пришло известие, что язычники, видимо, с целью обсудить некоторые щекотливые вопросы богословия, захватили рижского епископа Альбрехта со свитой, в благочестивых размышлениях свершавших инспекционную поездку по своей епархии.

Епископа мы отбили. Хотя, прямо скажем, я был несколько удивлен количеством ратного снаряжения, захваченного непочтительными эстами у благочестивого пастыря. Наградой за «великий подвиг» было благословение его преосвященства и личная признательность фон Вегденбурга. Знал бы он, при каких обстоятельствах нам доведется встретиться вновь!

– Слушай! – Голос Лиса прервал мои воспоминания. – Ливонцы тебе одному сдались или нам обоим?

– Ну, спрашивали и тебя, и меня...

– Значит, обоим. Тогда давай так: чур, рыцари твои, а кнехты мои. Идет?

– Пожалуйста. Но зачем тебе это?

– У меня есть мысль, и я ее думаю. – Лис поднял вверх указательный палец.

– Ну, молодца! Ай молодца, медвежатник! – Муромец радостно хлопнул меня по плечу, и я с тоской понял, что предложение выдержать на плече длань богатырскую не было пустой похвальбой. Хлопни он чуть сильнее, и попросту сбил бы меня с ног. – Целое войско в полон взял.

– Ваша честь, Володимир Ильич, – склонив голову, начал я, понимая, что разговор предстоит не из легких. – Великий магистр и его люди сдались мне по рыцарскому обычаю в обмен на слово сохранить им жизнь.

– Чего-чего-чего?! – Сидевший за столом князь Изборский резко поднялся, опрокидывая лавку. – Да тебе-то самому кто ее сохранит?

– Не горячись, княже! – поспешил урезонить его Муромец. – Витязь перед тобой, а не смерд.

– Сии лихие разбойники в моей земле пленены. И только я здесь суд и расправу чинить могу. А я уже слово свое сказал: всех псов поганых на кол. А магистра, в память о жене моей первой, в его туртурах замученной, конями рвать велю, да притом под пузом огонь разложивши.

Я невольно содрогнулся жуткой участи, ожидавшей фон Вегденбурга.

– Прежде вам придется убить меня, – произнес я как можно более спокойно, кладя руку на эфес меча.

– Да ты!.. – Князь рванул свой клинок из ножен.

– Постой! – в полный голос рявкнул на него Муромец. – Сей человек не щадя живота своего город твой отстаивал, жену твою, что в утробе дитя носит, а ты на него мечом машешь?! Срамно, княже!

– Ливонцы должны быть казнены! – мрачно отрезал князь, возвращая оружие в прежнее положение. – Таково мое слово!

– Здесь каждый имеет слово, – медленно проговаривая каждый звук, произнес Мстислав Киевский, до того молча наблюдавший за скандалом. – Витязь Воледар как рыцарь графа Шверинского шел, ему ливонцы и сдались. И ты, князь Олег, до них теперь касательства не имеешь.

– То хитрость была!

– Но ты на нее пошел. Стало быть, либо против собрата своего измену учиняешь, либо же нас всех, единым войском за тобой сюда пришедших, позорить хочешь. Или же и то и другое сразу.

Олег Изборский скрежетал зубами, сжимая пудовые кулаки. Святополк Туровский, недавно переступивший порог двадцати лет, с неподдельным изумлением следил за схваткой этих ярых хищников, готовых разорвать друг друга с одной лишь целью – не уступить последнего слова.

– Князь Мстислав правду бает, – сказал Володимир Ильич, опуская на столешницу свою широченную ладонь. – А я еще добавлю. Хорошо, положим, казним мы ливонцев,

орден от того не сгинет. И двух лун не сменится, как у них новый магистр будет. А казни лютой они вовек не забудут. Чуть с силами соберутся, у тебя под стенами стоять будут.

– Ништо! – прорычал, не разжимая зубов, князь Олег. – Чай, не впервой, отобьюсь.

– Оно бы, может, и отбился, – согласно кивнул Володимир Ильич, – когда б в городе был. Да ты мне слово давал княжье, что коли мы с тобой пойдем, так и тебе с нами до конца идти. Час настал. Судьба Руси не под воротами Изборскими решается, и ты, князь, с разумом твоим вострым да рукой могучей, далеко от сих мест нужен будешь. Кто ж тогда город твой отстоит?

Олег побледнел, чувствуя, в какую ловушку загнал себя.

– Эти земли так обильно кровью нашей политы, что здесь, того и гляди, трава червонная из земли потянется, – задыхаясь от гнева, проговорил он. – А вы говорите, злодеев с миром отпустить?!

– О том речи не было, – покачал головой Володимир Муромец. – Но нынче мир в этом пределе дороже мести. В твоей воле сейчас того добиться. Магистр за свободу и жизнь свою на все пойдет.

– Пойти-то пойдет. Да вот, как Бог свят, обманет.

– Коли тевтонцев в свидетели взять, – с задумчивым видом произнес Мстислав, глядя куда-то в пространство, – то, глядишь, и не обманут. Они спят и видят, как у соседа кусок послаще отхватить. А что до крови, то где ее на Руси не

пролито?..

– А ты себе Юрьев назад запроси, – ни с того ни с сего хмыкнул Святополк Туровский.

– И запрошу, – сверкнул недобрым взглядом князь Олег. – Моя это земля. Испокон веков русская.

– Попроси, попроси, глядишь, и выпросишь, – съязвил Святополк.

– Что?! – взревел Изборский, вновь хватаясь за меч.

– Остудитесь, князи! – гаркнул доведенный до белого каления Муромец. – Сцепились, что дети малые!

Такие споры продолжались еще часа два. Особую пикантность им придал невесть откуда взявшийся представитель новгородской старшины, улучивший момент, чтобы затребовать возмещение военных расходов Новгороду. За ним о финансовой стороне вопроса вспомнили и пришедшие на помощь Изборску князья, и дело рисковало потонуть в спорах, словно мышь в сметане, когда б не покончил с ними единым махом взбешенный уже до крайности могучий богатырь Володимир Муромец, выдавший наконец на-гора окончательную формулировку наших требований. Уж и не знаю, кого она удовлетворяла целиком, но прения по этому вопросу были закрыты раз и навсегда.

Лицо Конрада фон Вегденбурга, выслушивающего условия возвращения на родину, на глазах меняло цвет от буро-красного до мертвенно-белого и далее, вплоть до густо-фиолетового. Я уже начал опасаться, что старого вояку

сейчас разобьет паралич и все переговоры пойдут насмарку, но Конрад мужественно выдержал час своего унижения и, едва не отдав Богу душу от напряжения, выдал: «Согласен».

– Лишь один вопрос, – добавил он, когда я уже развернулся, чтобы довести эту новость до ушей нашего командного состава. – Вальтер, как рыцарь рыцарю, ответьте, сколько же войска собирался Новгород послать в Ливонию морем, если столько прислал сюда?

Я едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Стало быть, вот оно что! Опасаясь морского десанта, ливонцы нанесли опережающий удар по Изборску, чтобы выйти на границы новгородской земли и оттуда, из подбрюшья, угрожать коварному противнику форсированным маршем под его стены. Да, заварил Лис кашу – ничего себе, продал пару кораблей!

– Не менее этого, – обнадежил я магистра.

Стоя на стене, я наблюдал, как в гнетущей тишине покидают Изборск последние ливонцы. Великий магистр и его окружение, дожидавшиеся в городе, пока вернется посланный в Юрьев гонец с приказом очистить крепость, теперь возвращались восвояси, сохранив по условиям договора оружие, доспехи и знамена.

– Капитан, ты слышал, як ци кляти ливонцы именуют наш Юрьев? Де-е-р-п-т. – проговорил Лис, строя при этом невыносимо мерзкую рожу. – Повбывав бы!

– Кстати, забыл тебе сказать. Конрад и, как я понимаю, весь ливонский капитул тоже купились на твою шутку с кораблями. Они, как и Хельмут, полагали, что Новгород собирается отобрать у них балтийские порты.

– М-да, неудобно как-то получилось, – вздохнул Венедин, изображая на лице притворное раскаяние. – Но зато каков кусок на зубок будущему Олеговичу или, может, Олеговне. Это вам не хухры-мухры, крепость, не надо баловаться! А насчет ливонцев, ты думаешь, они бы без этой корабельной «утки» на Изборск не полезли? Как же, как же!

Я пожал плечами и отвернулся, вновь глядя на дорогу, по которой уезжали последние рыцари.

– Да шо там, Капитан, не журыся! Усе наладится! Ты мне лучше скажи, тебе твою часть контрибуции отсыпать или, может, лучше я ее себе оставлю? Сохранней будет.

– В каком смысле – контрибуции? – Я повернулся к другу, моментально теряя интерес к отъезжающим ливонцам.

– В смысле аннексии. Короче, деньги тебе давать или ну его?

– Лис, – я угрожающе застучал пальцами по каменной кладке стены, – какие деньги? Что ты еще учудил?

– Я учудил?! – возмутился Лис. – Считаю сам: коней на шестьдесят рыл... хорошо, пятьдесят восемь, купить надо было? Надо. Возов пять штук, тоже, кстати, не святым духом движимых, фураж, провиант, стрел опять же запасных... За все ж плати! От наших кораблей кошкины слезки остались.

Как ни крути, на дорогу не хватает.

– Ты мне не о том толкуешь, – прервал я финансовый отчет моего предприимчивого друга. – Ты насчет контрибуции, пожалуйста, расскажи.

– Уже. Шепнул я по секрету кому следует, что за умеренное вознаграждение могу замолвить словечко, чтобы их отпустили, так сказать, с честью. Ну, вот они и скинулись, кто сколько смог. Сам же видишь, я их не обманул. – Венедин указал на уже едва видные фигурки рыцарей. – Впрочем, повернись все по-другому, они б на меня тоже долго не обижались, кольев, наверное, на всех бы хватило. А с другой стороны, сам посуди, я своим ребятам обещал призовую стрельбу, значит, хошь разбейся, а золото-серебро вынь да положи. Вот я вынул и положил. Только с кнехтами беда.

– Что еще с кнехтами?! – встревоженно спросил я, вспоминая, что эта часть пленных была отпущена в Ливонию на третий день нашего сидения в Изборске без особых проблем. – Что ты с ними сделал?

– Побойся Бога, ничего! Ты мне эту часть полна отдал?

– Отдал.

– Потом по договору их отпустили?

– Отпустили.

– Но снаряга-то трофейная – моя?

– Ну.

– Что «ну»? Вот я ее обратно магистру и втюхал. Торговался, кстати, скотина, шо ломбардский купец! В конце кон-

цов – во, залепуху выписал.

– Что? – не понял я.

– Чек на предьявителя в контору Рыцарей Храма Богоматери Горной. Кстати, ты не знаешь, Хельмут нам его не сможет обналичить? – Лис задумчиво поскреб шевелюру.

* * *

Новгород радостно встречал героев. Кожевенники и сапожники, бронники и златокузнецы, пекари и сбитенщики толпой валили поглядеть на овейных славой героев, в пешем и конном строю проходящих по улицам города. Даже рать князя Изборского, совсем недавно послужившая причиной всеобщего переполоха, удостоилась своей порции восторженных воплей и подброшенных в воздух шапок. Готовясь к дальнейшим походам, армия размещалась в городе и его окрестностях, ожидая команды опять выступить в путь. Оккупированный нашим отрядом постоялый двор едва ли не круглосуточно осаждали разбитные местные молодки, сводя почти на нет попытку поддерживать дисциплину в войске.

– Любовь стирает все границы, – входя в штабную комнату, безапелляционно заявил цветущий как майская роза командир венецианских лучников. – Особенно любовь к дензнакам.

– Что еще стряслось? – Я настороженно посмотрел на друга, недоумевая, по какому поводу случился с ним столь вне-

запный приступ лиричности.

– Я тут Кнута на улице встретил, он интересовался судьбой какой-то баклажки и просил тебя занести ее нынче же господину Штоллю. Очень, знаете ли, тот без нее скучает.

– Понятно, – скривился я, осознавая, что ганзейский «разведцентр» требует отчета о проделанной работе. – Это все?

– После того, как будет все, нас сразу похоронят. – Лисьявно был в хорошем настроении. – И Ильич велел тебе зайти к нему. Так что сам решай, пойдешь ты сейчас сдавать стеклотару или общаться с начальством. Но я бы тебе рекомендовал начать с посуды, потому как у Ильича сейчас ходоки засели, да так, что дым столбом, венцы буквально на хоромах поднимаются.

– Что такое?

– Полный ататуй. Старшина рвет Володимира на части, примерно как милейшей души князь Изборский собирался порвать ливонского магистра.

– Что им еще не слава Богу?

– Я тебе могу назвать с ходу три «не слава Богу». «Не слава Богу» Псков, который пытался перейти под руку Новгорода с известным тебе результатом; «не слава Богу» Изборск, который остался в руках прежнего хозяина; и уж совсем «не слава Богу» Юрьев – это их вообще довело до истерики, шо Мак-Лауд кукушку. Ну, Ильич их, понятное дело, посылает сексуально-пешеходным маршрутом, но, блин, я тебе скажу: по ближайшим улицам сейчас лучше не ходить. Звуко-

вая волна коней о заборы плющит.

Мысленно я поблагодарил заботливого товарища за предупреждение и, разыскав в походном тюке присланную Штоллем емкость с остатками целебной мази, вздохнул и отправился с докладом.

Герр Хельмут подждал меня в горнице за столом с яствами заморскими да вином сладким.

– Угощайся, – уговаривал он, пододвигая ко мне то одно, то другое блюдо. – В походе-то, чай, так не кормили. Вот вина испробуй. – Он наклонил над моим кубком отливающий рубиновым блеском кувшин, покрытый тонкой восточной насечкой. Из носика кувшина полилась густо-красная жидкость. – Из Святой земли вино, – не унимался радушный хозяин, – «Кармель».

Мне едва удалось удержаться от тяжелого вздоха при упоминании о Святой земле. Насколько я помнил карту, от горы, на которой произрастал виноград, идущий для изготовления этого вина, до вожденной камеры перехода было всего-то около ста миль.

– Я так рад видеть тебя в добром здравии. – Хельмут поставил кувшин на стол. – Как сказывают, ты отличился в боях с ливонцами.

– Да что там за бои, – махнул рукой я.

– Ну-ну, не скромничай. – Тон ганзейца был мягок, но настойчив. – Говорят, тебе сдалась целая армия. Сам ливон-

ский магистр.

– В этом нет моей особой заслугой. – Я пожал плечами. – Либо в плен ко мне, либо на кол к князю Олегу.

– Стало быть, магистр тебе жизнью обязан? – патетически произнес мой собеседник. – Но это же великолепно!

– Кто знает, – уклончиво ответил я.

– Послушай, друг мой, я вот что вдруг подумал... У меня появилась для тебя работенка. Кстати, отлично оплачиваемая.

– Но у меня уже есть работа, – флегматично ответил я, созерцая потолочные балки. – Прекрасная работа.

– Это ты о Муромце, что ли? – Хельмут улыбнулся. – Я слышал, с ней твой побратим славно справляется. Он почти безотлучно нынче при Володимире. Тут же дело совсем другое. Так, пара пустяков. Да и времени займет немного. Пока Муромец в Новгороде стоять будет, ты уже со всем и справишься.

– О чем речь-то?

– Да вот думаю, будь, скажем, я знатным рыцарем, а ко мне пришел человек, который мне жизнь спас, и сказал, что его друзья желают со мной встретиться и предложить мне некое выгодное дело, то я бы, наверное, его послушал.

Предложение было высказано несколько витиевато, но вполне доступно.

– Я у магистра Дерпт отобрал. Да и выкуп взял немалый, – ничтоже сумняшеся заявил я, вспоминая о чеке, всученном

мне перед отправкой к купцу Лисом. – К тебе вот шел, думал, может, ты мне его в монету обернешь?

Долговая расписка легла на стол перед купцом.

– А, – грустнея, начал Штолль, принимая из моих рук документ. – Сколько?!

– Ну, понимаешь, на весь выкуп у него не нашлось наличности, – вздохнул я, и мой собеседник окончательно понял, что показываться на глаза великому магистру ближайшие годы мне нельзя.

– Да на эти деньги можно снарядить небольшую армию! – покачал головой он, сам не подозревая, насколько был близок к истине. – Нет, таких денег я тебе сразу дать не могу. Если хочешь, дам тебе треть суммы, а остальное перепишу расписками Ганзейского союза.

– Да ладно, – махнул рукой я и, попивая вино из бокала, задумчиво добавил: – Той половины, что заплатил Вегленбург, на жизнь пока хватит, а там, глядишь, в Империю соберусь.

Трапеза продолжилась, но прежнего вдохновения в речах Штолля уже не было, и из гостиного двора я вышел, как и вошел, тайным агентом службы охраны защитника земли русской, славного богатыря Володимира свет Ильича, по честному прозвищу Муромца.

– Заходи, садись, – хмуро кинул Муромец, едва я переступил порог его светлицы.

– Ваша честь.

– Оставь, Воледар, – страдальчески взмолился богатырь. – Меня уже сегодня от всех этих чествований и поминаний с души воротит. – Муромец передернулся, как медведь, стряхивающий вцепившихся в шерсть шавок. – Юрьев им подавай! За порты ливонские войной иди! Пиявки ненасытные. Ладно. – Он махнул рукой. – О другом говорить хочу. Решил я тебя, Воледар Ингварович, воеводой сделать.

– Воеводой чего? – удивился я.

– Ну уж не ангелов небесных! Будем делать полк иноземного строя. Из Суροжа отряд пришел в четыре сотни пеших, и вашего брата рыцаря в Новгород наехало за три десятка, да твои с Лисом-лучником люди – вот тебе и полк наберется. Ежели еще чего желаешь, проси, дам. Ну, конечно, без запроса.

– Ропшу Хвата с повольниками добавь, – недолго подумав, сказал я.

– Славный воин, – одобрил мой выбор Володимир Ильич. – Бери. Да в краткое время полк мне сделай, а то я этих генуэзцев знаю: они в атаке бойки, да на бег еще бойчее.

– Что ж им дома-то не сиделось? – усмехнулся я, представляя, в какую даль пришлось тащиться тяжелой генуэзской пехоте.

– Дома-то им сиделось, да дома не осталось, – вздохнул Муромец. – Из степи Орда пришла в силе великой, пожгла город в пепел. Того и гляди, на Русь нагрянут. Сам Бог велит

князьям удельным кулаком держаться. А они... А-ай! В общем, полк мне сделай. Вот только времени у тебя нет. Недобрая весть нынче пришла: нет на князей ни узды, ни угомона! От Владимира, Суздаля, Рязани да Ярославля князья на нас походом идут. Стало быть, на третий день против них выступаем.

Быстрым шагом ступал князь Всеволод Владимирский по земле русской, барсом хищным, легкой птицею. Сыновья с ним шли со дружинами, да бояре шли с воеводами. Становились они у Днепра-реки, против берега высока его, где стояла уже рать великая Володимира – ясна сокола, сына храброго Ильи Муромца...

Марш-бросок восточной княжеской коалиции, как окрестили мы в заметках к докладу князя Всеволода с сыновьями, закончился у переправы через Днепр во владениях смоленского князя Василько. На противоположном берегу его уже ждала армия Муромца, усиленная подошедшими дружинами Михаила Полоцкого, первого тестя Олега Изборского, и отрядами из Чернигова, Переяславля и Новгорода-Северского.

Князь Василько, и в лучшие времена не блиставший особым мужеством, увидав, какие силы собрались на бой в его земле, заперся в Смоленске, заявляя, что, невзирая на брак с Людмилою Всеволодовной и двоюродное братство с князем Мстиславом Киевским, ни тех, ни других поддерживать не

намерен.

Но день сменял день, два лагеря стояли по берегам реки, время от времени лениво перекидываясь стрелами да распекая друг друга ругательно. Василько начал уже присылать бояр своих в шатры военачальников, чтобы узнать, кто заплатит за потраву лугов да порубку лесов, а армии все не трогались с места.

Более всех в нашем войске по этому поводу сокрушался князь Мстислав Киевский, отбросивший обычную хладность и с пеной у рта ежевечерне твердивший на военном совете, что покуда не вырублен будет Всеволод с семенем его, не будет мира и покоя на земле русской.

– Стоять! – цедил меж зубов Володимир Ильич, исподлобья тяжелым взглядом смеривая собравшихся князей. – Русскою кровью русские мечи поганить – последнее дело.

В его словах, несомненно, был резон. Стояние продолжалось, и, пожалуй, не было часа, чтобы в лагерь Муромца, по одному и группами, не доставляли приплывших с другого берега перебежчиков, желавших сражаться под знаменами Муромца за единую Русь. Вначале это были простые вои, затем появились гридни, потом по одному потянулись витязи. Поток их не ослабевал ни днем, ни ночью.

Пользуясь временной передышкой, я муштровал свой полк, стараясь добиться максимальной слаженности в действиях.

– Первая линия арбалетчиков, залпом пли! Заряжай! Вто-

рая, в линию заступи! Пли! Заряжай! Страивай ряды! Господа рыцари, вас прошу, как только ряды строятся, атакуйте в интервале между ними. Кто свою пехоту давить будет, самолично голову сниму!

Недовольный ропот слышался из ряда благородных рыцарей, искавших удачи в ее рублевом эквиваленте в землях дикого северного соседа.

– Нас с чернью равняете?! – выразил всеобщее мнение самый бойкий, с тремя серебряными ракушками, увенчанными серебряными же крестами в червленом поле щита. Я промолчал, не желая вдаваться в дразги.

– Лис, ты свою работу знаешь. Наиболее буйные на тебе. С нашей стороны – тоже.

– А то! – ослабился Лис. – Кого прикажешь, того и делаем.

– Ропша. – Я повернулся к повольничьему ватажнику, ждущему указаний во главе своей вольной братии.

В этот момент кусты на берегу зашевелились, вызвав неподдельный интерес двух сотен лучников и арбалетчиков, не считая всего остального вооруженного люда, отделенного от указанного места несколькими десятками шагов.

– Не стреляйте! – послышался из зарослей сдавленный голос. – Я не лазутчик! – На полигон на четвереньках выполз ладный парень в мокром исподнем. – Я Корней Изяславич, сын боярский из Рязани. К Муромцу с вестью иду.

– Что за весть? – Я скептически окинул мокрую фигуру

гонца. Тот замялся, не зная, достоин ли собеседник высокого права выслушать порученное ему сообщение. – Ну, говори! Что, язык проглотил? Воевода перед тобой.

Малый вздохнул, понимая, что новостью все же придется поделиться, в противном случае путь к Муромцу может затянуться на неопределенное время.

– Дело тайное, – приближаясь ко мне вплотную, прошептал он едва слышно. – От князя Андрея Рязанского я послан.

– Ну? – поторопил его я.

– Князь Андрей велит передать, что желает с дружиной своей перейти под славные знамена защитника земли русской – Володимира Ильича Муромца. Просит час и место назвать, куда ему с войском идти можно. Да на кресте клятву дает, что нет у него злого умысла на измену тайную.

Я хмыкнул, услышав слово «измена», но, сурово сдвинув брови, кинул перебежчику:

– Ладно, пошли. Лис, ты за старшего.

В шатре было, как обычно,людно.

– А, Воледар, заходи! – заметив меня, радостно поприветствовал Муромец. – Новость последнюю еще не слышал?

– Нет.

– Суздальский князь на нашу сторону переходит. Со всей дружиной.

– Надо же! – изумился я. – А у меня к тебе тоже дело образовалось.

– Что еще? – нахмурился Владимир Ильич.

– Да так. Сын боярский из Рязани к нам переметнулся. С теми же вестями.

Последним на высокий берег Днепра перебрался старый князь Всеволод. Он медленно ехал на коне впереди своего войска, низко опустив голову и искоса бросая взоры на выстроившиеся для парада дружины сыновей-отступников и давнего своего смертного врага Мстислава Киевского. Поравнявшись с могутным полководцем, восседавшим на огромном жеребце, он снял с пояса меч свой заветный вместе с ножнами и протянул вчерашнему противнику.

– Присягаю тебе на верность, Володимир свет Ильич, царь земли русской, – тихо сказал он. И слова эти, произнесенные едва слышно, донеслись до каждого стоявшего на днепровских кручах набатным звоном.

Глава 7

*Изведал враг в тот день немало,
Но нашим тоже перепало.*

Вывод племянника

Три огромные скалы вздымали к небесам свои могучие гранитные торсы. Здесь, среди степи, они казались вросшими в землю чудовищными титанами, сраженными молниями богов в битве бессмертных во времена древние, как сама эта земля.

– Знаешь, – Лис помешал веточкой угли костра, – я как-то еще не готов к тому, чтоб моя черепушка, пусть даже и оправленная в серебро, служила пиршественной чашей на ханском пиру. Да и перспектива поработать основанием для помоста, на котором господя ордынцы буду устраивать свои половецкие пляски, меня тоже отчего-то не греет.

– Половцы-то как раз на нашей стороне, – поправил я своего друга.

– Сногшибательно радостная новость, – фыркнул Венедин. – Кстати, если ты вдруг запамятовал, могу напомнить, что в том мире, откуда мы родом, они тоже были на нашей стороне. Чем это закончилось, рассказать?

Я отрицательно покачал головой, глядя в огонь. Две недели назад половецкое посольство в прямом смысле слова рух-

нуло к стопам Муромца, заливаясь горючими слезами, вырывая волосы на всех приспособленных для этого участках тела и ища помощи и защиты от безудержной, как степной пожар, Орды.

Полчищем саранчи шла Орда, шла, сметая все на пути, стогняя с мест свирепых кочевников, становящихся при их приближении куда как более миролюбивыми и стоворчивыми. Объединенная общей бедой, невиданная прежде на Руси громадная рать, включавшая княжеские дружины и многочисленные конные отряды половцев, двинулась навстречу Орде к Сурожскому морю, величаемому иначе Азовским. И вот нынче войска встретились на реке Калке, готовясь вступить в решительный бой.

– Честно говоря, – возбужденно жестикулировал Лис, – я не вижу особой разницы между тем раскладом, что был у нас, и этим. Там собрались князья, которые с нескрываемым интересом наблюдали, как рубят в капусту их соседей, а тут эти самые князья того и гляди пришлют ордынцам подкрепление один против другого. Охренеть, какая разница! Те же яйца, только в профиль.

Я печально вздохнул. Слова Лиса были, несомненно, чистой правдой. Быть может, прими Володимир Ильич тот самый царский титул, которым не так давно наградил его Всеволод Владимирский, беды можно было бы избежать. Царь, перед которым все равны, хоть на какое-то время смог бы заставить своевольных князей действовать на благо единого

дела. Пока же единство княжье простиралось не далее, чем достигал грозный взор очей Муромца, и уж неведомо, сколько засапожных ножей точилось глубокими густыми ночами в ожидании заветного мига вонзиться в спину брата своего.

– Не царского венца ищу! – зубром ревел Володимир Муромец на каждом военном совете. – Но лишь земле русской добра и мира.

Князья внимательно выслушивали его, согласно кивали, но тут же, едва оставшись наедине, вновь звали его на царствие, суля золотые горы и великие выгоды.

– Бывал я у императора западного и у императора восточного, – увещевал их Муромец, – нигде царствие мира не дает.

Князья вновь согласно кивали, о чем-то шушукаясь промеж собой и кидая в спину богатыря отнюдь не ласковые взоры.

– Ладно, Лис, все это крайне познавательно, но положение не меняет. Завтра будет драка, так что давай подумаем, что можно сделать в этой ситуации.

– Ага, – довольно бросил Лис, – как в том анекдоте. У нас есть два выхода: либо сдернуть отсюда до того, как все начнется, либо стоять грудью и остальными частями тела за землю русскую. Если мы сдернем – понятно, а если нет – тогда как?

– Тоже два выхода: либо подчиниться диспозиции, которую планирует Муромец, либо подсказать ему другой план.

– Ты имеешь в виду что-то конкретное или...

– Или. Мне просто не нравится вариант, который он задумал.

– Вариант как вариант, – пожал плечами Лис. – Не хуже, не лучше других.

– В принципе да, – согласно кивнул я, – но в данном случае он не пройдет. Вот смотри. – Я забрал у Лиса ветку, которой он мешал уголья, и, разровняв золу у кострища, начал рисовать. – Большим полком командует сам Муромец. Там у него Новгород, добровольцы...

– Знаю-знаю, дальше.

– Хорошо. Полк правой руки – это Киев и иже с ними. Полк левой – Всеволод с сыновьями. Олег Изборский со своим тестем в засаде. Мы – в резерве. А вместо передового полка Муромец решил выдвинуть завесу из половецкой конницы.

– Ну и что тебе не нравится?

– Да, считай, все. – Я прочертил стрелку от костра к линии, изображавшей половецкую завесу. – Вот отсюда Орда нанесет свой главный удар. Как обычно, это скорее всего будет атака плотной кавалерийской массой, засыпающей противника градом стрел. За то время, что ордынцы будут сближаться с русскими боевыми порядками, они выпустят в нашем направлении где-то до трех миллионов стрел.

– Это верно, – вздохнул Лис. – Не прицельно, но густо. От трех до десяти стрел с одного выстрела. В кого Бог пошлет.

– Муромец считает, – продолжил я, – что половцы свяжут татар перестрелкой и конным маневром, а в это время сильные крылья нашего строя, – я ткнул палкой в полки правой и левой руки, – начнут тяжелой кавалерией зажимать ордынцев в тиски. Мы же с князем Олегом в нужный момент довершим дело.

– Ну?

– Из этого плана ни черта не выйдет! – Я перечеркнул плоды своих художеств. – Половцы побегут, как только Орда надавит посильнее, готов держать пари на что угодно. Я видел их глаза, и в них ужас, который они никогда дотоле не испытывали. Так вот, завеса непременно побежит. И побежит она как раз на русские боевые порядки. Что сделают при этом наши «сильные крылья»?

– Отступят, открывая дорогу половцам, – сокрушенно вздохнул Лис.

– Абсолютно верно. А вслед за ними – и татарам. Таким образом, большой полк вместе с Муромцем окажется окружен, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– И что же ты предлагаешь? – произнес мой напарник после пятиминутной паузы.

– Пока не знаю, – печально констатировал я. – Одно могу сказать точно: половцев разумнее всего было бы поставить не впереди строя, а в тылу. Да еще приказать убивать всякого, кто попытается удариться в бег. Благо, им не впервой.

– Ты что же, – Лис удивленно расширил глаза, – решил

заградотряды ставить?

– Называй как хочешь. Но в тылу они принесут больше пользы, чем вреда, а в случае успеха, поверь мне, они не упустят шанс поквитаться с татарами по полной мерке. Насчет же князей, как утверждают китайцы, «те, кто сражается в окружении, не думают о бегстве».

– О-о, китайцы – это сила! – с деланной серьезностью сказал Лис. – Правда, Орда их уже заровняла, шо газон, – но сила! Ладно, положим, кочевников мы загнали за спину, а впереди тогда кто?

– Пока не знаю, – печально сознался я.

– То-то же, – резюмировал мой друг, и мы, обменявшись понимающими взглядами, воззрились туда, где посреди нашего лагеря за импровизированной ширмой непобедимый Петрушка побивал бутафорской дубиной злого тряпичного татарина.

– Тебе не удастся сбить меня с коня! – грозно вещал голос кукловода в момент, когда послушная движению пальцев марионетка наносила очередной удар. – Я так давно не мылся, что уже неделю не могу отлипнуть от седла!

– Слушай! – Лис хлопнул себя по лбу. – А это идея.

Я уставился на напарника, недоумевая, чем вызвана столь бурная реакция на плоские шуточки кукольника.

– Ты предлагаешь сходить искупаться? – подозрительно посмотрев на него, спросил я.

– Это все не то, – отмахнулся Лис. – Внимай и вынимай,

в смысле, извлекай рациональное зерно. Ты что-то там говорил о китайцах. Так вот, я где-то читал, что один из китайских деятелей учудил следующую шутку: когда у него в отряде закончились стрелы, он наделал соломенных чучел и ночью выставил их перед позициями врага, имитируя атаку. Враг, не будь дурак, засыпал атакующих стрелами. Деятель велел изъять их из чучел, а утром его лучники возвратили их со словами благодарности.

– Мысль хорошая, – усмехнулся я, понимая, к чему клонит Лис. – Но там была ночь...

– А у нас есть маг. И я буду очень удивлен, если он не сможет придать соответствующие очертания нескольким сотням специально обученных чучел.

– Какой маг? – переспросил я, едва успевая следить за стремительной мыслью Лиса.

– Ну, помнишь, который на подходе к Изборску пальцами искрил? наших электрошоком вырубил? Он постоянно при Муромце толчется. Так я думаю, Ильич одолжит нам его для благого-то дела.

Я вспомнил ночную сцену у безвестной речушки. И... Я подскочил как ужаленный:

– Лис, ты гений!!!

– А были сомнения?

– ...Так вот что я думаю, друг мой любезный Мстислав Игоревич. Предложения, что император нам шлет, весьма

лестные, и Русь от них много пользы иметь может, – услышали мы с Лисом, заходя в «царский» шатер. – Стало быть, – продолжил Муромец, – жди, князь, сватов да принимай их как подобает. Сам я за них тебе слово молвлю.

– Слово твое, Володимир свет Ильич, мудрое. Да только к чему о том речь вести? Завтра сеча злая, река кровью потечет. На утро живы ли будем? Из боя выйдем, там и глянем, – негромко и, как всегда, отчетливо отвечал князь Мстислав Киевский. – Коли за нами победа останется, отчего ж мне перечить? Сын императора Фридриха – партия хорошая для моей Аленки. Ну а коли изменит удача, не до пиров будет, не до свадеб. – Князь поднялся с места и, едва кивнув нам, произнес: – К дружине пойду, Володимир. Ночь все темнее, а поутру великое дело делать будем. Отдохнуть бы.

Мы чуть посторонились, пропуская мимо начальника полка правой руки и, дождавшись, когда Муромец останется один, поясно поклонились военачальнику.

– А, побратимы, – устало вздохнул Ильич. – С чем пожаловали, молодцы?

– Соображение тут имеется, – промолвил Лис с той хитрой интонацией, какая появлялась у него всегда в подобных случаях.

– Что ж, внемлю вам, излагайте. – Муромец оперся рукой о стол и приготовился слушать.

И мы изложили. Володимир Ильич внимательно выслушал наши выкладки, временами усмехаясь и оглаживая ла-

донью густую бороду.

– Дельно. Зело дельно. Со стрелами хитро удумали. Да вот только что же получается: половцы за нашими спинами весь бой отсилятся, а мы за них свои головы сложить должны?

– Володимир Ильич, – я лихорадочно начал подыскивать слова, способные убедить полководца в моей правоте, – половцы удар конницы татарской не снесут, они отродясь таких ударов не держали. Они хороши в догоне да в ближней сече. Вот их как раз в догон и надо будет пустить, коли нам удастся с татаровой гонор сбить.

Муромец согласно качнул головой.

– мудро баешь. Да твои-то ганзейцы, поди, тоже пятками засверкают.

– И пусть себе сверкают, – вставил Лис. – То хитрость будет. Этот блеск глаз ворогу застит, нам же оно только на пользу.

– Четыре сотни пеших генуэзцев не пять тысяч конных половцев. Эти дальше строя щитов не убегут. А вот половцы, как Бог свят, ряды смешают. Ну а коли будет Господня воля, так мы отвадим татарву в гости ходить не сприсясь.

– И быть по тому, – подытожил Муромец, расплываясь в улыбке. – Ох хитры, побратимы! Ох хитры!

В этот момент пола шатра распахнулась, и мы с Лисом тут же, с места наповал, лишились дара речи. Низко нагибая голову, чтобы не цеплять поднятую кольями кожаную крышу, в ставку вошел Муромец, только в талии поуже, лицом по-

моложе да бородой покороче. В руках у него было нечто, покрытое персидским ковром, напоминающее по очертаниям клетку для гигантского попугая. Впрочем, термин «гигантский», очевидно, не совсем уместен, когда речь шла о чем-либо, связанном со столь выдающимся представителем рода человеческого.

– Илюшенька свет! – сорвался со скамьи наш славный полководец. – Здрав будь, сынок.

– И тебе поздраве, батюшка! – Младший Муромец аккуратно опустил клетку наземь и устремился в широко раскрытые отцовские объятия.

– Вот, други мои, – обрадованный Володимир Ильич гордо хлопнул свою помолодевшую копию по плечу, – сынок мой, Илюшенька. – И тут же теряя к нам интерес, вновь повернулся к сыну: – Что ж ты так долго-то?

– Так ведь, знамо дело, далек путь сюда от Ульяниной слободы. Да и с тварью особо не разбежишься.

– Как там она? – переходя на деловой тон, спросил старший.

– Тварь-то? Да что с ней станется! Жрет за троих, гадит за пятерых... тьфу, нечисть, одним словом.

– А посвист-то не ослаб?

– Какой ослаб! Вozy груженные переворачивает. Намедни вон вола на дуб зашвырнул, так еле стащил.

– Ну, вот и славно. Стало быть, други, подмога вам будет. Ну что, Илюшенька, пойдешь в передовой полк?

Молодой Муромец широко улыбнулся, словно получив долгожданный подарок:

– Ну дык, за честь почту, батюшка.

– И тварюку с собой бери. Только приладь ее получше, чтоб наших не посшибала.

В лагерь мы возвращались втроем. Лис, без умолку засыпавший нового сотоварища уверениями в том, как много слышал о нем лестного, вогнал молодого Муромца в такое смущение, что тот лишь бормотал, потупясь:

– Да ну, то батьковы дела... А то дедовы... А я-то?

Из клетки, прилаженной за спиной богатыря, время от времени слышалось не то ворчание, не то злобное подвывание.

– Цыть, погань несытая! – рявкал Илюшенька, хлопая ладонью по скрытой ковром клетке. – По мордам захотел?

Мы с Лисом переглядывались, недоумевая, чем вызвано столь нелюбезное отношение к загадочной зверушке.

Костры нашего лагеря были уже совсем близко, когда зоркий Лис, приложив козырьком ладонь к глазам, бросил удивленно:

– Шо-то я не понял. Князь к нам какой-то в гости пожаловал или шо?

Я всмотрелся в ночную тьму и также увидел то, что вызвало недоумение моего друга. Недалеко от одного из наших костров на превосходном белом аргамеке восседал витязь в

драгоценном цареградском доспехе, в алом с золотой каймой плаще и шлеме с золоченой личиной. По мере приближения мы имели возможность убедиться, что все остальные предметы убранства как всадника, так и его коня были под стать ранее увиденному.

– Это ж кого к нам занесло-то? – поинтересовался Лис у лучника, замаскировавшегося среди каменной осыпи у одной из скал-великанов. Тот, не смыкающий глаз в карауле, ткнул пальцем в витязя:

– Этот-то? Это Эрхард из Вагры. Только что из дозора вернулся, говорит, на берегу нашел. Да и остальные подтверждают.

– Странное дело. – Лис удивленно смерил взглядом счастливец, гарцевавшего на белоснежном жеребце. – Шо это еще за подарок фронту?

– Может, утоп кто, раз на берегу-то валялось? – предположил Илья.

– Может, и утоп, – медленно проговорил Лис. – Да только среди княжьих коней и доспехов я что-то такого не помню. А эдакого богатства, шо шила в мешке не утаишь.

Мы подъехали поближе к костру, и псевдокнязь, увидевший приближавшихся отцов-командиров, радостно поспешил к нам похвалиться своей необычной находкой. Я уже собрался выслушать рассказ удачливого Эрхарда, когда внимание мое привлекли всхлипы и стенания, раздававшиеся где-то рядом. Но стоило мне открыть рот, чтоб скомандовать

невесь откуда взявшемся нытику предстать пред мои очи, стоило удобнее перехватить плеть, чтоб высушить его слезы, как вдруг увидел нечто, весьма хлипкими узами связанное с представлениями о роде человеческом. Скрюченный в три погибели мужичонка, грязный и смердящий на все лады, с волосами длинными, нечесаными, свалявшимися в колтуны, брел через наш лагерь, низко склоня голову и рыдая безутешно.

– Юродивый какой-то прибился, – заметив мое удивление, пояснил один из генуэзцев. – Гоним его, гоним – не уходит.

Существо, которое язык не поворачивался назвать человеком, хромя сразу на обе ноги, подбрело к костру, и тот внезапно вспыхнул, зашипел и потух.

– Дьявол его поймешь, что такое! – выругался генуэзец. – Вот, весь вечер так: то горит, то гаснет. Дрова здесь, что ли, какие-то не такие?

– Черт! – услышал я неожиданный вскрик одного из воинов, попытавшегося вновь раздуть пламя. – Искра в глаз попала!

– Эй, ты кто? – заметивший приبلудившегося юродивого Лис преградил ему дорогу.

Мужичонка вжал голову в плечи, словно ожидая удара, и опасно поднял на моего друга глаза, вернее – один глаз, поскольку второй был закрыт уродливым бельмом. Лис отпрянул так, словно перед ним был не убогий калека, а уж как

минимум трехглавый Змей Горыныч собственной персоной. Впрочем, в подобных случаях Лис проявлял куда как большее самообладание.

– Это... – Тут Венедин ввернул слово, которое, насколько мне удалось узнать русский сленг, напрямую было связано с деторождением, вернее, с его женской составляющей.

– Что? – Я непонимающе воззрился на своего друга, ожидая, пока система «Мастерлинг» выдаст мне точную смысловую версию данного выражения.

– Что-что, пес о пяти ногах! Это ж Лихо Одноглазое, Горе-злосчастье. За кем оно увяжется, тот с бедою породнится. Да уж и вокруг всем достанется на орехи. – Лис тряхнул головой, словно отгоняя морок, и заорал что было сил: – Вали Эрхарда! Раздевай! Кто себе что оставит, тому руки отрублю!

Услышавший команду дружинник мгновенно обнажил драгоценный харлужный меч и, сверкнув безумным взглядом из-под личины, прорычал:

– Всех раскрошу! Не дамся!

Он, может, и исполнил бы свою угрозу. Даже генуэзские щитоносцы, привыкшие к атакам тяжелой кавалерии, отчего-то вдруг попятнулись от него, словно и не человек перед ними был вовсе, а идолище поганое. Да не суждено было ему. Врезался в грудь Эрхарда пудовый пернач, висевший дотопе у седла Ильи Муромца, и слетел витязь наземь, точно куль с песком, безмолвно да бездыханно.

– Раздевай! – командовал Лис. – Коня лови! Вяжи юродивого!

Последнее было тяжелее всего. Невзирая на хромоту, немощь и согбенную спину, Лихо Одноглазое прыгало из стороны в сторону, гася костры, переворачивая котлы, топчана навощенные древки стрел, сметая на своем пути все, подобно ветру пустынь самуму. Бог весть сколько бы еще носилось Горе-злосчастье по нашему лагерю, когда б не уткнулось вдруг в круп коня-великана Ильи Муромца. И в тот же миг обмякло оно, осело, превращаясь вдруг в несчастного калеку, слезливого юродивого.

– Обрядите-ка нечисть в ее обноски, посадите на козла ее драного да гоните в степь! – командовал Илья Муромец. – Будет от нас Орде подарочек. Да радуйтесь, други мои, что малой бедой отделались.

Он был прав, нам оставалось только радоваться да приводить в порядок пострадавший от нашествия бивуак. Слушая, как ругается на чем свет стоит Лис, я смотрел на скрывающегося в степи белого аргамака, несущего на спине обряженного в золотые доспехи плюгавого мужичонку со страшным именем Лихо Одноглазое, Горе-злосчастье. И чудилось, что мчит конь-огонь вольным ветром, стрелой оперенной, да только скачет притом и впрямь по-козлиному. Хотя чего ни привидится в такой час...

Остаток ночи был заполнен бурной деятельностью. Каза-

лось, люди, прошедшие на марше столько дней, передохнув всего несколько часов, были вновь бодры и готовы броситься в бой очертя голову. Особая людская порода, сплотившая всех здесь присутствующих в едином строю, заставляла их, как само собой разумеющееся, стремиться превзойти друг друга в отваге и стойкости, невзирая на усталость, боль и тому подобные «досадные мелочи». Куда до этой армии было всем прочим, пришедшим ей на смену, состоящим из разного сброда, согнанного под знамена нуждой и палкой и обряженного в военные мундиры! Быть может, и был прав хитроумный Талейран, бросая историческое: «Война – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее военным». Но когда за дело берутся штатские, внезапно выясняется, что честь и доблесть не окупают себя.

Пока же все были заняты своим делом. Генуэзцы, венецы, повольники, обмениваясь скабрёзными шуточками, понятными любому и каждому из них, несмотря на языковые барьеры, сооружали чучела из шестов и соломы, снабжая их при этом порой весьма пикантными добавлениями, символизирующими незаурядное мужское достоинство. Те же, кому не довелось заниматься такой своеобразной заботой о пополнении наших рядов, бегали с бурдюками за водой к Калке и, возвращаясь, навешивали наполненные чрева на соломенных новобранцев.

– От жажды не помрете, – шутили они, удобнее закрепляя бурдюки.

За гранитными великанами оборудовали позицию рыцари со своими отрядами и мои даны. В скальных осыпях скрывались от людских глаз Лисовские лучники и прикрывавшая их повольничья ватага Ропши, командующего полком в наше отсутствие.

Готовясь к завтрашнему дню, я прилег вздремнуть у костра и все еще слышал сквозь сонную пелену, как хлопочут о чем-то Лис с Ильей Муромцем.

– Нет, так нельзя. Эдак он веером половину отряда сметет.

– А ежели так?

– Так от скалы фонить будет...

Разбудил меня Венедин.

– Вставай, Капитан, – тряс он меня за плечо. – Маг пришел. Объясни ему, что нужно делать.

Мои объяснения, похоже, немало удивили вдохновенного кудесника, но, прикинув что-то в уме, он сообщил, что все задуманное нами в принципе возможно, хотя и потребует от него изряднейших затрат магической силы. Но, впрочем, и от всех нас грядущий день требовал того же.

Ордынцы появились, лишь только рассвело. Они шли с юго-востока, точно подгоняемые в спину солнечными лучами, катились прибойной волной, готовой затопить обреченный берег. Летевший впереди них грохот копыт вселял в робкие сердца смертельный страх, в отважные – пьянящую радость предстоящей битвы.

Но полноте, много ли было робких сердец по эту, да и по ту сторону приазовской степи, обреченной ныне стать полем боя...

Затрубили над русским войском звонкие рога, ударили бубны, развернулись над полками хоругви со святыми ликами, грянула над рядами копейными то ли песнь, то ли молитва, и слов-то не разобрать, а до сердца, до печени пробирает.

– Глянь, Володар Ингварович! – крикнул стоявший рядом Ропша, указывая рукой на степь. – Орда-то впереди себя Перекати-поле гонит.

Я уставился в ту сторону, куда показывал Хват. По степи, гонимые неведом ветром, едва пригибая траву, катились, скакали, прыгали шары размером чуть больше футбольного мяча. Темно-бурые, как будто из грязной соломы, но, по всему видать, живые.

– Эка напасть! – пробормотал Ропша. – Может быть, чародея покликать, чтобы он их огнем спалил?

– Сами справимся, – кратко бросил я, понимая, что магу надлежит беречь силы до решительного момента, и делая для себя заметку, что неведомые мне дотоле существа боятся пламени. – Арбалетчики! Греческим огнем по Перекати-полю прицельно пли!

Привезенные с собой генуэзскими пехотинцами стрелы огненного боя сделали свое дело, изрядная часть мерзких тварей разлетелась в пылающие куски при их попадании. Но далеко не все. Остальные же, докатившись до стены щитов,

ударились о них и... начали вгрызаться в обтянутую проклеенной холстиной деревянную твердь.

– Рубите! Рубите их скорее! – благим матом заорал Ропша. – Не то сейчас новые народятся!

Команда эта была излишней, и без того неведомая напасть была встречена ударами мечей, топоров и копий. Но разделаться с ними было не так-то просто. С неожиданной легкостью они откусывали наконечники копий, взлетая на высоту первой линии щитов, катились по поднятому второму ряду и скатывались туда, где красовались прикрытые волшебной личиной чучела с наполненными водой бурдюками вместо тел. Не делая особой разницы между тем, что жрать, твари запустили зубы в бурдюки и тут... одна тварь, разбухнув, шлепнулась наземь и расплылась мерзкой бурой лужей, вторая, третья...

– Вот это да! – переводя удивленный взгляд с поверженных в грязную слизь Перекати-поля на меня, проговорил Ропша. – Эка воды-то набрались!

Я промолчал, указывая ватажнику в степь, откуда, пользуясь нашим смятением, накатывалась лавина легкой кавалерии ордынцев.

– Арбалетчики! Залп! Первая шеренга – заряжай! Вторая, в линию заступи! Залп!

Град стрел тархтел по выстроеным в «черепаху» щитам. Иные же, перелетев, вонзались в соломенные воев моей дружины, разя их наповал. Не знаю, смотрел ли еще когда-ни-

будь военачальник с такой радостью на побивание своего воинства, как глядел я. Вода хлестала из пробитых бурдюков, превращая в огромную болотистую лужу позицию нашего полка. Колья, копыя, которыми были вооружены воинственные пугала, рушились наземь, образуя причудливые рогатки и ловушки. Все шло так, как я и предполагал: генуэзские арбалетчики прекрасно знали свое дело, и вскоре по полю перед нами носились десятки потерявших всадников коней. Татарская конница, смешавшись, поспешила обратиться в бегство, демонстрируя полное нежелание продолжать бессмысленное кровопролитие.

– Никак бегут? – удивленно промолвил Ропша, глядя в спину улепетывавших татар.

– Бегут-то бегут, – согласно кивнул я, – да вот только нам за ними бегать недосуг. – Я оглянулся, чтобы оценить эффект, произведенный отступлением противника на стоящие за нашей спиной полки. Ни один из них не шелохнулся, не стронулся с места, свято повинувшись приказу двигаться лишь по особому сигналу. – Слава тебе, Господи, – прошептал я, прекрасно сознавая, к чему бы привела безумная попытка атаки вслед откатывающемуся противнику.

Несчетно полководцев на пути Орды уже попадались в эту незамысловатую ловушку и почти столько же заканчивали в ней свои жизни.

Раздосадованные неудавшимся маневром, конники как по команде прекратили «беспорядочное бегство» и тотчас же

начали перестраиваться в длинную выпуклую дугу.

– Ну все, в пляс пошли, – оценив обстановку, сообщил мой помощник. – То стрельба не стрельба была. Сейчас, почитай, начнется.

Словно не желая обманывать ожидания Ропши, конная дуга приблизилась к нам на расстояние выстрела, и воздух вновь наполнился леденящим душу злым посвистом многих тысяч оперенных стрел. Отстреляв свою норму, голова колонны загнулась назад, освобождая место для очередной сотни стрелков, и далее, далее, далее, пока вновь не заняла свое место голова колонны, успевшая принять по дороге новые, полные колчаны стрел.

– Ну, Капитан, как там у вас? – услышал я в голове голос Лиса.

– А ты сам не видишь?! – огрызнулся я, указывая на тяжелые генуэзские строевые щиты, которые из-за множества торчащих в них стрел начали напоминать одежные щетки.

– Ничего, ща попустит, – обнадежил меня друг. – Слышал, у нас песенка была «Гайдар шагает впереди»? Так вот, всех здешних гайдаров мы уже выцелили, щас они у нас впереди шагать перестанут.

Как обычно, Лис не обманул, и спустя несколько минут татарская конница, только что демонстрировавшая чудеса слаженности, сбилась в кучу, подобно отаре овец.

– Что и требовалось доказать.

– Так, Лис, насколько я помню курс тактики татаромон-

гол от Чингисхана и вверх, сейчас все прелюдии закончатся и начнется атака тяжелой монгольской кавалерии. Так вот, как только она начнется, я даю генуэзцам приказ отступить, а ты со своими сидишь тише воды, ниже травы вплоть до контратаки. И никакой самодеятельности.

– Ты шо, меня за дурака держишь?! Я шо, враг самому себе? Ты лучше проследи, шоб твои генуэзцы в грязи не потонули! – возмутился Лис.

– Ничего, жить захотят – выплывут.

– О, – внезапно произнес Сергей, меняя тон с возмущенного на удивленный. – Похоже, мы их таки изрядно доставали. Авиация на подходе. Глаза вверх подними.

Я воздел очи к небу и едва не поперхнулся от удивления. Со стороны ордынского лагеря, расправив широкие кожистые крылья, извиваясь в воздухе длинным чешуйчатым телом, разинув зубастую пасть, на строй русского воинства надвигался огромный черный дракон. Судя по развевающимся в воздухе усам и спирально закрученному хвосту, явно китайского образца.

– Знаешь, Капитан, я, пожалуй, займусь самодеятельностью, – Лис деловито положил на тетиву бронебойную стрелу, – а то эта образина своим огнем враз все наше болото высушит.

Двенадцать стрел одна за другой взмыли в воздух и злыми шершнями устремились к дракону. Двенадцать стрел вонзились в него, насквозь пробили и голову, и сердце, и крылья,

прошли сквозь горло навывлет и упали далеко позади, не причинив видимого вреда грозному монстру.

– *Не понял...* – ошеломленно процедил мой напарник, запуская руку в колчан за новой порцией стрел. – *Шо ж это такое на свете белом делается?!*

Но в этот миг дракон, словно почувствовав негодование изрешетившего его лучника, сложив крылья, сорвался в штопор, грозя рухнуть на расположение Лисовской засады.

– Берегись! – заорал Венедин. – Задавит!

Предостережение оказалось излишним. В нарушение законов физики и геометрии, по мере приближения дракон начал делаться все меньше и меньше, и на скальную осыпь рухнуло не многотонное чудовище, а преклонных лет монголоид со сломанной пополам бамбуковой рамой хитроумной формы, обтянутой черным шелком. Он еще пытался барахтаться, стараясь выбраться из креплений дельтаплана, когда невесть откуда взявшийся сыч, грозно ухая и хлопая крыльями, вцепился когтями в диковинное украшение, висевшее на груди летуна, и, срывая его, взмыл ввысь. Лишь только это произошло, то, что совсем недавно еще было драконом, дернулось и затихло.

– *Да-а,* – Лис утер пот со лба, – *всякое видал. Но чтоб такое!*

– Идут! Идут! – пронеслось над рядами.

Тяжелая монгольская конница, шаг за шагом ускоряя свой ход, мчалась на наши позиции, горя желанием смести непо-

корное чело войск противника.

– Ну что ж, пора. – Я порывисто выдохнул, понимая, что вот и наступил тот самый решительный момент, которого мы все ждали с начала боя. – Пехоте отступление!

Генуэзцы и повольники Ропши бросились к строю большого полка.

– Ропша, командуй! *Лис, у Ильи все готово?*

– *Все пучком! Пусть только врубятся!* – в нетерпеливом возбуждении бросил мой друг.

Пехота бежала, бросая щиты. Передовой полк, так долго выдерживающий натиск Орды, перестал существовать. Пехота бежала, радуя глаз противника, а те немногие, что остались стоять на своих позициях, сжимая копья в руках, попросту не могли никуда сдвинуться, поскольку были вкопаны в землю.

– Не пора ли? – Кудесник возник за моей спиной, казалось, из воздуха.

– Да уж, пожалуй, начнем, – кивнул я, глядя из-за притащенных младшим Муромцем скальных обломков, служивших нам импровизированным командным пунктом, на приближающуюся тяжелую конницу. – Как только монголы врубятся в строй, запускай.

Маг согласно кивнул и начал уже виденный мной однажды танец. И тут как по волшебству, впрочем, так оно и было, посреди безоблачного синего неба, крутясь бешеным ураганом, возникли мрачные темные тучи, и пучки молний, словно ли-

нии бескабельной связи, потянулись к молчаливому ведуну.

Десятки, а то и сотни тяжеловооруженных нукеров уже вылетели на позиции передового полка и начали оскальзываться в грязной жиже, падая сами и валя соседей.

– Поше-ел! – заорал я что было сил.

Маг, как обычно, бесстрастный, опустил руки и прикрыл глаза. Невидимый, как сама смерть, электрический ток – магическая сила собранных колдуном в себя молний – в один момент побежал по воде, по мокрой траве, по железу оружия и доспехов, насмерть разя цвет и гордость ханской конницы. А вслед за этим... Я закрыл уши руками и прижался к конской холке, чтоб не слышать то, что было вслед за этим. Выпущенная на волю из клетки тварь, величаемая Соловьем-Разбойником, засвистала диким посвистом, загудела да заухала во всю мощь, переворачивая коней, сдувая наездников и обращая вспять несокрушимое дотоле воинство...

И была атака, и был бой, и ударили витязи земли русской на черного ворога, сметая его и обращая в бегство. И всадники половецкие обагрили свои сабли злою ордынскою кровью, и многие ратники и витязи, и воеводы и князья пали в тот день за землю русскую, снискав себе славу славную, а для отчизны победу великую...

Глава 8

Дайте им победить. Затем берите голыми руками.
Бисмарк

Одно из самых тяжких зрелищ, доступных человеческому взору, – поле битвы после ее окончания. Отважнейшие сердца, без ропота сносящие все ужасы рукопашной, не могут ни сжаться при виде тысяч и тысяч мертвых, растоптанных, растерзанных тел, прижатых к земле неумолимым смертным грузом. И жажда жизни, заметная еще под смертной маской, немым укором терзает оставшихся в живых, будто говоря: «Ну почему же я, а не ты?» И стоны раненых в надвигающихся на поле боя сумерках звучат едва ли не голосами из преисподней, и черное воронье, слетевшееся на обильную трапезу, карканьем напоминает выжившим, что, быть может, уже завтра их черед идти на корм ненасытным падальщикам.

Сумерки сгущались над Калкой, но поле было полно воинств обеих армий, бродивших между телами, выискивая живых и грабя мертвых.

Конечно же, стойкость передового отряда во многом предопределила победу русского воинства, но говорить о том, что именно мы сокрушили мощь стотысячной Орды, было бы по меньшей мере глупо. Бой продолжался семь ча-

сов, и временами казалось, что еще один удар, еще один натиск, и дрогнут, побегут городские полки, полягут в смертном бою князья дружины и пойдет Орда гулять по Руси свирепым драконом. Не ударь в нужный момент в тыл монголов засадный полк Олега Изборского, быть может, не видать нам победы как своих ушей.

Но затрубил в звонкий рог князь Олег, обрушились полки Изборские и Псковские, Полоцкие и Холмские на загрибок монголам, дрогнула Орда, покатила назад, и половцы, собравшиеся уж было обратиться в бегство, помчались в сечу с гиканьем и свистом, вырезая конного и пешего безо всякой пощады.

Мне изрядно перепало в этом бою. Когда отступающие татаромонголы неудержимым потоком ринулись вспять, шаткою плотиной на их пути стояли дружины засадного полка. Я увидел, как один за другим падали подрубленные стяги, как рухнул, а затем вновь поднялся стяг князя Олега, и зычный голос его рога, прорываясь сквозь лязг и рев битвы, звал всех живых русичей собраться под знамя.

– На подмогу! – крикнул я, указывая своим рыцарям мечом направление атаки.

Рубя направо и налево, мы прорвались уже к изборскому стягу, и я воочию увидел, как, отбросив щит, бьется двумя мечами над телом Михаила Полоцкого князь Олег, как трубит что было сил Ефимий из Ольшаницы, придерживая раненой рукой княжеское знамя. Но тут удар чудовищной си-

лы пришелся мне по шлему, мешая в глазах все краски мира в одну непроглядно-черную...

Не знаю, долго ли я провел в таком состоянии, но первое, что увидел, открыв глаза, был стоящий рядом Ропша с секирой в руках, отбивающийся от двух конных монголов, и мчащийся ему на подмогу Лис. Для меня сражение закончилось: в голове звенело, как в колокольне на Пасху, и земля упорно отказывалась принимать подобающее ей горизонтальное положение. Лишь к вечеру, когда бой затих, я смог понемногу ходить без посторонней помощи. Не будь так добротен сработанный институтскими мастерами доспех, не окажись рядом бесстрашный повольничий ватажник, и вероятнее всего, имя Воледара Ингваровича, воеводы полка иноземного строя, было бы навечно вписано в исторические тома этого мира в ряду иных военачальников, погибших в битве при Калке.

В лагерь мы возвращались пешком, поскольку возвышенное положение на спине Мавра все еще вызывало у меня неодолимое желание сжать землю в объятиях. Обходя мертвые тела, переступая через чьи-то ноги и руки, стараясь не поскользнуться в лужах подсыхающей крови, мы продвигались все ближе к утренним позициям, туда, где был назначен сбор остатков нашего полка.

– Вот, смотри. – Лис, сменивший воодушевление боя на досадную говорливость, поднял с земли причудливо согну-

тый монгольский лук и, стерев с него буроватые капли запекшейся крови, ткнул его мне под нос. – Вот как они это делают?

– Что именно? – старательно подбирая слова, спросил я.

– Да ты попробуй, попробуй, – не унимался Лис, любовно поглаживая пальцами вычурный изгиб грозного оружия. – Китайский лак! Это просто чудо что такое. Дерево под ним и дышит, и не впитывает влагу. Я институтским химикам уже плешь проел, вернее, проел бы, если бы осталось, что проедать, прося их синтезировать хоть что-нибудь похожее. Сейчас! Болтов тачку. Либо не дышит, либо пропускает. Говорят, привезите нам образец жидкого лака, и мы вам определим формулу. А где ж его взять, тот образец, когда китайцы берегут этот лак тщательнее, чем Праматерь секреты своей нестигаемой девственности?

– Лис, – с укоризной сказал я, – не богохульствуй.

– Да ну, оставь! – отмахнулся мой друг, вновь размахивая луком у меня перед носом. – Прикинь, они гонят этот лак в промышленных размерах, покрывают им все что ни попадя. Разве что очко для унитаза не покрывают, и то только из-за того, что его у них еще нету. А Институт не может добыть жалкого десятка капель, чтоб произвести анализ.

Вряд ли моего боевого товарища до такой истерики доводила проблема отсутствия вожаденного лака. В конце концов он много лет прекрасно обходился без него. Просто напряжение сегодняшнего дня таким дурацким образом рва-

лось наружу, требуя выхода.

У самой позиции генуэзской пехоты, заваленной теперь грудями тел коней и всадников, мы немного притормозили, выбирая хоть сколько-нибудь проходимую тропу к нашему лагерю. Большинство из тех, кто несколько часов назад с таким остервенением рвался сюда, стремясь сокрушить передовой полк, нашли здесь свою последнюю дорогу в страну весенних пастбищ, или что уж у них там заменяло Царствие Небесное. И эта ужасающая свалка человеческих и конских останков все еще продолжала дышать, стонать на разные лады и двигаться, порой в конвульсиях, а иногда вполне осмысленно.

– Эй! – оборачиваясь назад к воинам нашего полка, устало бредших к бивуаку, крикнул Лис. – Разберитесь, что тут к чему. Тех, кто совсем плох, добейте, тех же, кто еще подает надежды, перевяжите и в лагерь.

– Может, повременим до утра, – видя, как устали бойцы, предложил я.

– Да ну, – отмахнулся Лис, – пусть копаются. Сюда ломанулся самый цвет монгольской кавалерии. Тут сейчас есть чем поживиться, а к утру останутся лишь голые трупы. С ними все равно надо будет что-то делать, но уже за «просто так».

С логикой моего друга тяжело было спорить, хотя и соглашаться с ней отчего-то совсем не хотелось.

– Меня сейчас другое занимает, – продолжил Венедин. –

Этот, с позволения сказать, дракон, будь он неладен! Я вса-дил в него дюжину стрел, шо в тире. Где бы дедушка мон-гольской авиации ни скрывался, я все равно должен был его зацепить. И на тебе, ни одной дырки. Ни на нем, ни на его долбаном дельтаплане!

– Но он все-таки упал.

– То-то и оно, что упал. Бамбуковый шест несущей кон-струкции крыла сломался как раз у него между лопаток. Так что, если б это я его перебил, в груди и спине колдуна долж-ны быть отверстия. А их там нет.

– Что ты хочешь? Маг все-таки. А кроме того, ты не до-пускаешь, что конструкция могла сломаться сама по себе?

– Ну, то есть, может быть, – с явным сомнением в голосе произнес Венедин. – Но очень маловероятно.

Беседуя таким образом, мы наконец дошли до того само-го места, где среди обломков скал, полускрытые шелковы-ми обрывками крыльев, лежали скрюченные останки мага. Чем-то тошнотворно-ужасным веяло от его изувеченного те-ла, и саркастическая ухмылка, ощерившая в злобном оска-ле остатки зубов колдуна, отпугивала возможных мародеров от зловещего мертвеца. Да что там мародеры, даже вороны опасались приблизиться к нему.

– М-да, – оглядев подбитого хомо драконус, констатиро-вал Лис. – Взгляд у дедули какой-то неласковый. – Он подо-шел поближе и, подняв кусок черного шелка, накиннул его на лицо погибшего летуна.

– Но мародеры здесь, похоже, все-таки побывали.

– Да? – Лис обвел взглядом место происшествия. – Почему ты так думаешь?

– Когда он падал, на нем был роскошный пояс с золотыми бляхами и камнями. Я еще удивился, зачем магу нужен боевой пояс?

– Пояс? – Лис задумчиво пожал плечами. – Не помню. Может, уже кто отвернул. – Он нагнулся поближе к телу, осматривая его со всех сторон. – Да нет, не похоже, чтоб у него пояс был. Наверное, тебе показалось. Во всяком случае, видимых следов нет.

– Да нет же, был пояс, – уперся я.

Венедин недоуменно посмотрел на меня и опять склонился над телом.

– О, а это что? – Мой друг запустил руку в складки одеяния колдуна и вытащил на свет божий небольшую тыкву-горлянку, заткнутую плотно притертой пробкой. – Граната для самообороны в случае неудачной посадки? – Он начал внимательно осматривать свой трофей.

– Лис, – настороженно произнес я, – поаккуратней, может, это действительно какой-нибудь джинн.

– Наверяд ли, – неспешно оглядывая тыкву со всех сторон, покачал головой Венедин. – Во-первых, я никогда не слышал, чтобы джиннов запирали в тыквах. Обычно для этого используют более прочные сосуды. А во-вторых, будь это джинн, здесь обязательно наличествовала бы волшебная пе-

чать, мешающая ему освободиться. Она, как мы видим, отсутствует. А, была не была! – Он крутанул пробку, и та поддалась с неожиданной легкостью.

Как и предполагал мой друг, извержения джинна из бутылки не последовало. Вместо этого из нее до нас донесся вполне приятный аромат в восточном духе, самым неожиданным для меня образом приведший Сергея в состояние полного экстаза.

– Ядреный конь! Это лак! Двести граммов прекрасного китайского лака!!!

Похоже, он готов был начать прыгать вокруг трупа на одной ноге в приступе неконтролируемого детского восторга.

– Лис, а для чего у мага с собой лак?

– Да я почему знаю. Может, крылья смазывать. – Мой друг молот полную чушь, даже не желая вдуматься в смысл вопроса.

– А интересно, почему тыква не разбилась? Маг ведь летел довольно высоко.

– Блин, ну ты задолбал! – Лис посмотрел на меня неожиданно зло. – Не разбилась. Ты шо, совсем головой ударился? Тут такое счастье привалило, а ты зудишь! Почему не разбилась?.. Как оказалась?.. Ты какой-то пояс искал? Ну и ищи себе! – Он развернулся, собираясь уходить. – Успехов!

И в этот миг мне вдруг послышалось невдалеке за камнями чье-то сдавленное всхлипывание и подвывание. Пояс! Ну конечно же, пояс! Именно такой вчера вечером был на

несчастном Эрхарде из Вагры. А нынче... Так вот почему сломался чертов дельтаплан!

– Стой! – Я резко окликнул не на шутку осерчавшего Венедина.

Мой меч свистнул в воздухе, разнося проклятую тыкву в вдребезги.

– Да ты!.. – Лис, не находя слов, схватился за меч. Но не успел его клинок покинуть ножен, как осколки сосуда коснулись земли и на глазах стали превращаться в драгоценный боевой пояс. Точнее, в то, что от него осталось после моего удара. – Оба-на! – Мой друг, точно проснувшись, уставился на сияющие ошметки. – И шо это было?

Рыдания усилились, и корявый, мерзкого вида горбун выскочил едва ли не у нас из-под ног и опрометью, перепрыгивая через валуны, через тела погибших, бросился в темнеющую уже степь.

– Блин, ну надо же! – сплюнул Лис. – Горе-злосчастье. Вот же ж привязалось! Ох неспроста это! Оно нам еще устроит райскую жизнь.

Хлопанье тяжелых крыльев прервало длинную ругательную тираду моего друга, сопровождавшую стремительную пробежку Лиха Одноглазого от скальной осыпи до горизонта.

– Вас уже давно ищут. – Семейный маг Муромцев ударился оземь, меняя пернатое обличье на более привычное и удобное для человеческого общения. – Володимир Ильич

ждет вас в своем шатре.

Мы с Лисом обреченно переглянулись, понимая, что увильнуть от необходимости участвовать в разборе полетов не удастся. Особенно после столь настоятельного приглашения. Как говорится, положение обязывает...

Кажется, потеряв к нам всякий интерес, Яросвет наклонился над павшим собратом по цеху, словно отдавая ему последние почести.

– Великий был маг, – промолвил он. – Один из самых сильных. Но от судьбы не скроешься, сбылось предсказание: «Двенадцать стрел придут издалека, когда сразит тебя твоя рука». Да, – маг глянул на Лиса взглядом, способным вскипятить воду в леднике, – вы нажили себе грозного врага. Это Кеукче, сын Манглира, сводный брат Чингисхана, его защитник и наставник. Чингисхан не простит вам этой потери. – Он еще раз посмотрел на мертвого колдуна и, распахнув свой черный, подложенный алым шелком плащ, сказал с неизменной суровостью в голосе: – Это талисман Кеукче. В нем заключена огромная магическая сила одного из древнейших волшебников, величайшего Лу Шена. – С этими словами маг запустил руку под тунику, достал из-под нее тот самый амулет, который сорвал сегодня днем огромный филин с груди рухнувшего на камни дракона. – Носи его, да никому не показывай. Он защитит тебя, как и всех прежних хозяев.

– А?.. – Мой друг не успел не то что закончить фразу,

а даже ее начать. Волшебная птица уже скользила, распластав крылья по воздушной струе в сторону шатра Володимира Ильича. – Нет, ну шо за манеры? – возмутился Лис.

– Ладно, – махнул рукой я. – Дойдем до Муромца, он там наверняка будет. Успеешь еще порасспросить.

– Успеть-то успею. Да только захоти он что сказать, наверняка бы уже сказал. Фишка такая у магов: напустить туману побольше, а ты потом голову ломай, что там они накрутили.

Шатер главнокомандующего был, вероятно, последним местом жестокой схватки на берегах многострадальной Калки.

– По справедливости, после смерти Михаила княжество должно принадлежать мне! – бушевал разошедшийся не в меру Олег Изборский. – Я был ему как сын. Мы сражались плечом к плечу, он умер у меня на руках и в последних словах своих назвал меня своим преемником!

– Того никто не слышал! – возмущался Святополк Туровский, сидевший с перевязанной рукой на лавке у стены. – А по древнему праву у княжества Полоцкого прямые наследники есть.

– Холмский князь Глеб, его младшего брата сын, – вставил кто-то из собравшихся в шатре бояр.

– Глеб один лишь полк, Володимир Ильич, в твое войско прислал, – горячился Олег Изборский. – А сам в уделе остался. Я ж жизнь свою не жалел и впредь жалеть не буду. Дай

мне лишь полоцкую землю – границу с Ливонией щитами перекрою, век сунуться не посмеют!

– Это как так – дай?! – раздался из царивших в шатре сумерек голос Мстислава Киевского. – В землях русских закон есть, а не лишь твое или чье-то хотение. А то вон жена князя Святополка Ольга тоже из полоцкого дома, и он не менее тебя нынче в поле отличился.

– Да ты о чем толкуешь? – Изборский князь выпрямился во весь рост и подпер бока руками.

– Расступитесь! – послышался чей-то властный голос снаружи шатра. – Расступитесь! Где Муромец?

Князь Игорь Суздальский, расталкивая толпившихся бояр и витязей, пробился к столу, возле которого, уронив тяжелые руки на столешницу, восседал мрачный, словно туча, Володимир Ильич.

– Смотрите! Все смотрите!!! – прорычал князь Игорь и с размаху припечатал к столу стрелу с окровавленным наконечником. – Вот! Этой стрелой убит отец наш, великий князь Всеволод. Скажет ли кто-нибудь здесь, что это татарская стрела?!

Князя и воеводы, собравшиеся под сводами шатра, молчали. Признать в орудии убийства татарскую стрелу значило расписаться в полном военном невежестве. Она была явно русская и, судя по характерной форме обрезки перьев, еще сегодня с утра, вероятно, занимала свое место в колчане у кого-то из киевских дружинников.

– Ты что же это, пес смердящий, меня в смерти отца своего обвинить вздумал?! – рванулся из темноты на свет Мстислав Киевский. – Или повинен я за каждую стрелю на поле брани следовать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.